

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

КАРСТЕН
ДЮСС

УБИВАТЬ
ОСОЗНАННО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Звезды мирового детектива

Карстен Дюсс

Убивать осознанно

«Азбука-Аттикус»

2019

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44

Дюсс К.

Убивать осознанно / К. Дюсс — «Азбука-Аттикус»,
2019 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-19999-6

Бьорн Димель – «грязный адвокатишка», вынужденный прикрывать и оправдывать преступления криминального авторитета. Брак Бьорна Димеля разваливается на части, его жена вот-вот сбежит с обожаемой дочкой в неопределенном направлении. В отчаянии Бьорн записывается на курс тренинга по осознанности. Он еще не знает, что осознанность – замечательный способ справиться со всеми проблемами, как внутренними, так и внешними. Строго следуя руководству по осознанной жизни, Бьорн кардинально меняет свою судьбу и глазом не успеваает моргнуть, как оказывается в эпицентре кровавых разборок. И теперь, когда жизнь его висит на волоске, лишь невероятная смекалка, актерская игра и, разумеется, осознанность могут спасти Бьорна и вернуть ему счастье, удачу и душевный покой.

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-389-19999-6

© Дюсс К., 2019
© Азбука-Аттикус, 2019

Содержание

1. Осознанность[1]	6
2. Свобода	12
3. Дыхание	15
4. Островок времени	17
5. Цифровое голодание	23
6. Внутренний мир оппонента	28
7. Безоценочное восприятие	31
8. Расслабляющая триада	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Карстен Дюсс

Убивать осознанно

Karsten Dusse
ACHTSAM MORDEN
Copyright © Karsten Dusse, 2019
All rights reserved

Серия «Звезды мирового детектива»
Перевод с немецкого Анны Баренковой
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Андрея Саукова

© А. В. Баренкова, перевод, 2021
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

* * *

Лине

1. Осознанность¹

Когда вы стоите под дверью и ждете, то стойте и ждите.

Когда вы ругаетесь с женой, то и ругайтесь с ней.

Это – осознанность.

Когда вы стоите под дверью и ждете, а в это время мысленно ругаетесь с женой, то это не осознанность.

А просто глупость.

Йошка Брайтнер. Замедление на полосе обгона – курс осознанности для руководителей

Сразу оговорюсь: я не жестокий человек. Совсем напротив. Я, к примеру, еще ни разу в жизни не дрался. Да и человека я впервые убил только в сорок два года. Что довольно поздно, если учесть, с кем мне приходится общаться на работе. Ну да ладно, всего неделю спустя за мной числилось уже с полдесятка душ.

На первый взгляд я, вероятно, кажусь бесчеловечным. Но все, что я совершил, я совершил из лучших побуждений. Это стало закономерным результатом осознанного переустройства моей жизни. С целью привести в согласие работу и семью.

Первое знакомство с осознанностью было для меня сплошным стрессом. Моя жена Катя хотела принудить меня к отдыху. Чтобы я поработал над своей ограниченной способностью переносить нагрузки, над своей ненадежностью и извращенными ценностями. Чтобы дать еще один шанс нашему браку.

Она хотела вернуть себе того уравновешенного, целеустремленного молодого человека, бредящего какими-то идеалами, в которого она влюбилась десять лет назад. Если бы я хоть раз сказал своей жене, что хотел бы вернуть ее фигуру, в которую влюбился десять лет назад, то конец нашему браку наступил бы в тот же момент. И она была бы права. Время, конечно, имеет право оставлять следы на женской фигуре. А вот на внутреннем мире человека, очевидно, нет. Именно поэтому не моя жена со своей фигурой пошла к пластическому хирургу, а я со своим внутренним миром отправился на психологический тренинг по осознанности.

В то время осознанность казалась мне спитым чаем, настоящим на неизменной эзотерической заварке, которую каждое десятилетие подогревали по-новой и подавали к столу, но уже под другим названием. Осознанность – это аутогенный тренинг без лежания на кушетке. Йога без асан. Медитация без сидения по-турецки. Или, как писали в каком-то журнале для менеджеров, который жена однажды утром демонстративно положила передо мной на стол, «осознанность – это свободное и преисполненное любви восприятие момента». Определение, смысл которого так же обтекаем, как галька, из которой люди, расслабленные до состояния нирваны, бездумно строят башенки на берегу.

Стал бы я замораживаться с этой осознанностью, если бы речь шла только о нас двоих, обо мне и моей жене? Не знаю. Но у нас есть дочурка Эмили, и ради нее я пустился бы из Содомы в Гоморру, если бы в тех городах был хоть один шанс спасти нашу семью.

Именно поэтому одним январским вечером, в четверг, я отправился на встречу со своим новым тренером по осознанности. Когда я позвонил в тяжелую деревянную дверь его «кабинета», чтобы, помимо всего прочего, обсудить мою способность организовывать время, то мое опоздание уже равнялось двадцати пяти минутам.

¹ *Осознанность* – понятие в современной психологии, которое определяется как непрерывное отслеживание текущих переживаний, когда субъект фокусируется на переживании настоящего момента, не вовлекаясь в мысли о событиях прошлого или будущего. – *Здесь и далее примеч. перев.*

Тренер занимал помещения на первом этаже старинного, хорошо отреставрированного дома в фешенебельном районе города. Я увидел его рекламную брошюрку в спа-зоне пятизвездочного отеля. Цены я посмотрел в Интернете. Тот, кто вытягивает у людей столько бабла за то, что учит их быть спокойнее, должен быть в состоянии спокойно закрыть глаза на оплаченное опоздание. Так мне казалось. Однако на мой звонок никто не отреагировал.

До того момента, как я отважился открыть дверь и войти к гуру релакса, я, в общем-то, чувствовал себя вполне спокойно, ведь опоздание мое было совершенно простительно. Я был адвокатом – в сфере уголовного права – и в самом конце рабочего дня мне пришлось проверять обоснованность содержания обвиняемого под стражей. Сотрудник моего главного клиента Драгана Серговича во второй половине дня объявился в ювелирном магазине, чтобы выбрать обручальное кольцо. При этом вместо денег у него имелся только заряженный пистолет. И когда ни одно из предложенных колец не удовлетворило его, он приставил пушку к виску ювелира. Поскольку к тому моменту ювелир уже успел нажать на кнопку беззвучной сигнализации, то по прибытии полиция обнаружила лежащего на полу ювелира и мужчину, который при виде двух направленных на него автоматов не оказал никакого сопротивления. Они забрали его в управление и уведомили об аресте меня и судью, занимающегося проверкой законности содержания под стражей.

С моими прежними студенческими идеалами, я счел бы совершенно справедливой мерой оставить этого асоциального типа под стражей до суда, а потом запереть его на долгие годы.

С моим нынешним многолетним опытом в уголовной защите асоциальных типов, я вытащил этого идиота на свободу через два часа.

Так что я не просто опоздал на тренинг. Я опоздал, будучи *на гребне успеха*. И если этот докторишка со своим релаксом не собирался испортить остаток часа занудством, я мог бы поведать ему секрет своего успеха.

Тому молодому человеку с тягой к вооруженным покупкам было двадцать пять, он до сих пор жил с родителями. До этого инцидента его ни разу не судили за насильственные действия – только за наркотики. Не существовало угрозы побега, повторения преступления или сокрытия следов. А еще молодой человек разделял общественные представления о ценности брака и семьи. Ведь именно из-за них он и оказался в ювелирном магазине: посредством хищения кольца он собирался выразить готовность связать себя узами брака.

Ну ладно, допустим, что ювелиру в больнице и полицейским на дежурстве действительно тяжело понять, как человек, без всяких сомнений являющийся преступником, уже сегодня вечером в кругу друзей будет вновь выпендриваться перед ними и насмехаться над государством. Даже моя супруга считала мою работу весьма сомнительной в этом отношении. Но в мои обязанности не входило объяснение устройства нашей правовой системы другим людям. Моя работа состояла в том, чтобы использовать эту систему по всем правилам искусства. Я зарабатывал деньги тем, что делал добро плохим людям. И точка. И этим искусством я владел в совершенстве. Я был выдающимся защитником по уголовным делам. Трудоустроенным в одной из самых солидных контор нашего города. Готовым к бою в любое время дня и ночи.

Ясно, что это немалый стресс. И не всегда работу удавалось согласовывать с семейной жизнью. Именно поэтому я и стоял сейчас у дверей этого спеца по осознанности. Который меня не впускал... Я почувствовал напряжение в шее.

Однако за такой стресс я получал кучу всяких бонусов: служебную машину, костюмы на заказ, дорогие часы. До этого я не придавал особого значения символам статуса. Но если вы как адвокат представляете организованную преступность, то вам стоит обзавестись символами статуса. Хотя бы потому, что вы как адвокат сами являетесь символом статуса вашего клиента.

Я получил большой офис, дизайнерский письменный стол и пятизначную сумму в месяц на содержание семьи: своей сказочной дочурки, сногшибательной жены и себя.

Хорошо, немалая часть моих доходов – четырехзначная сумма – уходила на ипотечные платежи за дом. Дом, где жила моя сказочная дочурка, которую я практически не видел по причине постоянной занятости. Жила под присмотром любящей матери, с которой я при каждой встрече только и делал, что ругался. Я вступал в перепалки, потому что был раздражен на работе, о которой ничего не мог рассказать жене, так как она ее ненавидела, а она – потому что была вынуждена целыми днями сидеть с нашей малышкой, из-за чего ей пришлось бросить серьезнейшую работу руководителя отдела в страховой компании. Если сравнивать нашу любовь с нежным цветком, то при пересадке в большой семейный горшок мы ее явно недостаточно холили и лелеяли. Короче говоря, дела у нас шли, как и у многих благополучных молодых семей, дерьмово.

Чтобы совмещать работу и семью – и поскольку из нас двоих я единственный обладал и тем и другим, – моя жена определила, что именно я должен поработать над собой. Она отправила меня к тренеру по осознанности. Который не открывал дверь. Придурок. Напряжение в шейном отделе нарастало, при каждом повороте головы внутри что-то тихо шелкало.

Я снова позвонил в тяжелую деревянную дверь. Кажется, ее недавно покрыли прозрачным лаком. Во всяком случае, судя по запаху.

Наконец дверь открыли. На пороге стоял мужчина с таким видом, будто он давно притаился за дверью и только и ждал второго звонка. Он был на несколько лет старше меня, слегка за пятьдесят.

– Мы договаривались на восемь часов вечера, – сказал он просто, потом развернулся и без единого слова прошел по пустому коридору. Я последовал за ним в скудно обставленный кабинет с рассеянным освещением.

Мужчина производил впечатление аскета. Жилистый, ни грамма жира. При такой конституции не страшны никакие торты со взбитыми сливками, даже если их вводить подкожно. Внешне он выглядел ухоженным. На нем были выцветшие джинсы, вязаный шерстяной жакет поверх скромной белой хлопчатобумажной рубашки и шлепанцы на босу ногу. Никаких часов. Никаких украшений.

Большой контраст и представить себе сложно. На мне был темно-синий костюм, сшитый на заказ, белая рубашка с запонками, серебристо-голубой галстук с алмазной булавкой, часы фирмы «Брайтлинг», обручальное кольцо, черные носки, туфли-будапештеры². Количество предметов одежды на мне превышало количество предметов мебели в его кабинете. Два кресла, стол. Полка с книгами и приставной столик с напитками.

– Да, простите. Пробки.

Мне захотелось свалить сию же минуту, хотя бы потому, что он не поздоровался со мной. Упреки за опоздания, связанные с работой, я мог бесплатно получить и от своей жены. Однако, чтобы пережить стресс, который Катарина устроила бы мне, узнав о том, что я не только опоздал на тренинг, но тут же и ушел, обиженный, мне понадобились бы еще два тренера по релаксации вдогонку.

– У меня было короткое судебное заседание по работе. Ограбление с нанесением тяжких телесных повреждений. Я не мог так просто...

Почему, вообще, мне все время приходилось говорить? Он тут хозяин. Может, ему стоит хотя бы стул мне предложить? Или сказать что-нибудь? Однако этот тип просто смотрел на меня. Примерно так, как смотрит моя дочка, когда видит в лесу жука. Вот только если жук инстинктивно цепенеет от страха, когда за ним наблюдает представитель неизвестного вида, то во мне просыпается рефлекс болтливости.

² *Будапештеры* – популярная модель обуви от австро-венгерских сапожников. Классические будапештеры – это мужские туфли с округлыми высокими носками, массивным каблуком и двойной подошвой.

– Мы могли бы ускорить сеанс... за те же деньги, – попытался я вновь завязать нескладывающийся диалог.

– Дорога не станет короче, если по ней бежать, – услышал я в ответ.

Я прочитал немало глубокомысленных изречений на кофейных чашках своей секретарши. А высказывание этого типа не оправдал бы даже очень хороший кофе. Отвратительное начало.

– Садитесь же. Хотите чая?

Ну наконец-то. Я сел в кресло. Оно выглядело так, будто выиграло приз за лучший дизайн в семидесятые годы прошлого века, и состояло из одной-единственной хромовой трубы, которую обтянули грубой коричневой вельветовой тканью. Кресло оказалось на удивление удобным.

– А эспрессо у вас есть?

– Зеленый чай подойдет?

Тренер, проигнорировав мою просьбу об эспрессо, уже наливал мне чай из стеклянного чайника. По матовому оттенку стекла было ясно, что чайник использовали в течение многих лет ежедневно.

– Пожалуйста. Не горячий.

– Честно говоря, я даже не знаю, зачем я тут... – начал было я.

Я судорожно сжал чашку. В надежде, что меня прервут. Но нет. Моя нескладная неоконченная фраза повисла в воздухе. Где встретилась с открытым взглядом моего визави. Только убедившись, что я не собираюсь ее продолжать, тренер сделал глоток чая.

– Я знаю вас уже тридцать минут и думаю, что вы могли бы многому тут научиться.

– Вы не можете знать меня уже тридцать минут. Я же только что пришел, минуты три назад, – остроумно заметил я.

Тренер ответил мне с вызывающей мягкостью:

– Вы могли бы быть тут уже тридцать минут. Первые двадцать пять минут вы явно занимались чем-то другим. Потом три минуты стояли под дверью и размышляли, стоит ли звонить второй раз. Верно?

– Как вы...

– Когда же вы наконец решились позвонить и войти, мне хватило трех минут, проведенных вами в моем доме, чтобы узнать, что вы не считаете себя обязанным исполнять договоренности, касающиеся исключительно вас, что вы расставляете приоритеты исключительно исходя из внешних обстоятельств, что вы считаете необходимым оправдываться перед совершенно незнакомым вам человеком, что вы не переносите молчания, что вы не в состоянии интуитивно понять ситуацию, отклоняющуюся от привычных норм, и что вы целиком и полностью в плену своих привычек. Как вы себя чувствуете?

Ого. Этот тип был прав во всем.

– Если вы сейчас заявите, что именно по этим причинам не хотите заняться со мной сексом, то я почувствую себя в точности как дома! – выпалил я.

Тренер сделал еще один глоток зеленого чая, поперхнулся, закашлялся и в довершение всего от души рассмеялся. Затем, справившись с кашлем и смехом, он протянул мне руку:

– Йошка Брайтнер. Рад, что вы пришли.

– Бьорн Димель, взаимно.

Лед был сломан.

– Итак, зачем же вы пришли? – поинтересовался Йошка Брайтнер.

Я задумался. В голову пришли тысячи разных причин. И снова испарились. Я предположил, что по отношению к тренеру по осознанности нужно проявлять некоторую открытость. Господин Брайтнер стал мне вполне симпатичен после его приступа смеха. Но я был еще совер-

шенно не готов вот так, ни с того ни с сего выкладывать ему подробности своей личной жизни. Господин Брайтнер заметил мое внутреннее замешательство.

– Просто перечислите пять причин, которые связаны с вашим приходом сюда.

Я сделал глубокий вдох. И выложил:

– В сутках слишком мало часов, я не могу переключиться, я все принимаю близко к сердцу, я постоянно на нервах, моя жена переживает, я не вижу свою дочку и скучаю по ней. Если даже у меня находится время на дочь, в мыслях я всегда далеко от нее. Жена не ценит мою работу, работа не ценит меня...

– Можете больше не перечислять.

– Что, простите?

– Вы уже назвали девять вместо пяти. Все это классические симптомы перегрузки. Опишите несколько ситуаций, когда вы испытываете подобные чувства.

Долго вспоминать, когда же я в последний раз чувствовал перегрузку, не пришлось, и я просто рассказал ему, какой невероятный стресс пережил, стоя под его дверью. И с какой скоростью мелькали в моей голове мысли – как на «американских горках».

Он кивнул:

– Как я и сказал, думаю, что обучение осознанности может вам помочь.

– Хорошо, тогда поехали.

– У вас есть представление о том, что такое осознанность?

– Полагаю, что узнаю об этом в ближайшее время за приличные деньги.

– Вы уже получили эти знания бесплатно, когда стояли под дверью, – сказал он мягко.

– Вероятно, я отвлекся в тот момент.

– Именно в этом и суть. Вы примерно три минуты стояли под дверью и думали, звонить ли вам снова. Сколько секунд из этих ста восьмидесяти вы были мыслями где-то в другом месте?

– Честно говоря, наверное, сто семьдесят шесть.

– Где же витали ваши мысли?

– В ювелирном магазине, в полицейском управлении, в офисе, с моими клиентами, с моей дочкой, в перепалке с моей женой.

– Значит, в течение максимум трех минут вы мысленно находились в шести разных местах. Переживая все эмоции, связанные с этими местами. И вам это что-нибудь дало?

– Нет, я...

– Зачем же тогда вы это сделали? – спросил он с неподдельным интересом.

– Ну, так случилось.

Если бы кто-то из моих подзащитных выразился подобным образом в суде, я запретил бы ему вообще что-то говорить.

– Осознанность – это всего-навсего состояние, когда такое с вами не случается.

– Ага. Не могли бы вы объяснить точнее?

– Все просто. Когда вы стоите под дверью и ждете, то стойте и ждите. Когда вы ругаетесь с женой, то ругайтесь с женой. Когда вы стоите под дверью и ждете, а в это время мысленно ругаетесь с женой, то это не осознанное поведение.

– А как стоять под дверью осознанно?

– Просто стойте. И три минуты ничего не делайте. Вы обнаружите, что стоите тут и что ваш мир не рушится, пока вы просто тут стоите. Наоборот. Когда вы не даете оценку моменту, то он не несет в себе ничего негативного. Вы воспринимаете естественные вещи, присутствующие этому моменту. Ваше дыхание. Запах свежелакированной деревянной двери. Порыв ветра. Самого себя. И когда вы с любовью воспринимаете самого себя, то по истечении этих трех минут от стресса не остается и следа.

– И мне не пришлось бы звонить второй раз?

– Вам не пришлось бы звонить и в первый раз. Встать у двери без всякого намерения – вполне достаточно.

У меня появилось чувство, что я начал улавливать суть. Как бы там ни было, но я заметил, что напряжение в шее ушло. Однако то, что спустя минуты господин Брайтнер выдал мне мантру для моего первого убийства, мне стало ясно лишь спустя недели.

2. Свобода

Человек, который длительное время делает то, что хочет, не является свободным. Уже одно представление о том, что необходимо что-то делать длительное время, держит его в плену. Лишь тот, кто просто не делает того, чего не хочет, является свободным.

Йошка Брайтнер. Замедление на полосе обгона – курс осознанности для руководителей

Йошка Брайтнер подлил нам чая.

– Самый большой стресс мы испытываем оттого, что имеем совершенно извращенное представление о свободе.

– Ага.

– Заблуждение – полагать, что свобода заключается в том, чтобы делать то, что хочешь.

– Что же тут ошибочного?

– Принятие того, что вы в течение длительного времени должны что-то делать. Это основная причина стресса, которому вы подвергаетесь. Вы стоите под дверью и считаете абсолютно нормальным делать в мыслях все, что угодно. Мысли-то свободны! Вот оно что – в этом-то и проблема: изловить свободные мысли, когда они мчатся прочь. Но думать вы при этом не должны. Более того. Вы имеете право не думать, если вы не хотите думать. Только тогда ваши мысли становятся действительно свободными.

– Но ведь мой день проходит не только в раздумьях, – осмелился я возразить. – Больше всего я злюсь из-за того, что делаю.

– Тут действует тот же принцип. Только когда вы осознаёте, что должны *не* делать того, что делать *не* хотите, вы будете свободны.

Я должен не делать того, чего не хочу делать. Я свободен.

Не пройдет и четырех месяцев, как я буду последовательно пользоваться именно такой свободой. Я позволю себе не делать того, чего делать не хочу. К сожалению, для этого мне придется ограничить свободу другого человека, забрав у него жизнь. Но ведь я прохожу этот курс осознанности не с целью спасти мир, а с целью спасти себя.

Осознанность – это не «Живи и дай жить другим». Осознанность – это «Живи!». Такой императив, пожалуй, может оказать влияние на неосознанную жизнь другого человека.

Что меня по сей день переполняет радостью при воспоминании о первом убийстве, так это наслаждение моментом, безоценочное и полное любви. Такое, к которому стоит стремиться, такое, как описал мой тренер на самом первом занятии. Совершая первое убийство, я абсолютно спонтанно следовал своим потребностям в конкретный момент. С этой точки зрения мое первое убийство можно рассматривать как очень успешное упражнение по осознанности. Не для кого-то. Для себя.

Но когда я сидел в кресле господина Брайтнера и пил вторую чашку чая, трупов на моей совести еще не было. Изначально я пришел к нему, чтобы справиться с профессиональным стрессом.

– Расскажите о вашей работе. Вы ведь адвокат? – осведомился господин Брайтнер.

– Да. По уголовным делам.

– Значит, вы следите за тем, чтобы каждый человек в этой стране получил справедливый судебный процесс независимо от того, в чем его обвиняют. Это стоящее дело.

– Раньше меня это действительно волновало. В университете, на стажировках и в самом начале профессиональной карьеры. Реальность успешного адвоката по уголовным делам, к сожалению, выглядит не так радужно, как многие думают.

– И как же?

– Моя работа состоит в том, чтобы всякие недоноски избегали заслуженного наказания. С моральной точки зрения это нестоящее дело. Но приносит немало денег.

Я рассказал ему о том, как пришел в «ДЭД», адвокатскую фирму Дрезена, Эркеля и Данн-вица, сразу после получения адвокатской лицензии. «ДЭД» – фирма среднего размера, специализирующаяся на экономических делах. Включая все уголовно-правовые аспекты. Стадо баранов в галстуках, которые строили из себя серьезных людей, а в действительности целыми днями только и делали, что искали все новые и новые лазейки для богатеньких клиентов, чтобы те могли уклоняться от налогов, и заботились о тех, которым, несмотря на все старания адвокатов, грозило производство по уголовному делу за злостную неуплату налогов, экономические преступления, злоупотребление полномочиями и мошенничество в особо крупных размерах. Чтобы новичок мог занять место в этой лиге, от него требовалось хорошо сдать два государственных экзамена³, а также выполнить массу безвозмездных поручений. И даже из десяти соискателей, выдержавших эти требования, брали только одного. Получить работу в этой фирме сразу после второго государственного экзамена считалось невероятной удачей. Мне повезло. Так я думал.

– Сейчас вы считаете по-другому? – спросил Йошка Брайтнер.

– Ну, просто со временем все сложилось не так, как я представлял себе в самом начале.

– Это и есть жизнь. Что произошло в вашей?

Я в двух словах рассказал ему о своей карьере. Об ужасной зарплате на начальном этапе и об ужасных условиях труда. Шесть с половиной дней в неделю. Четырнадцать часов в сутки. Каждую минуту в окружении черствых тупых карьеристов, которые крутятся как белки в колесе в надежде достать золотой орешек – однажды стать партнерами.

Я знаю, о чем говорю. Я был одним из них.

Моим первым клиентом стал человек, чьи интересы наша фирма еще ни разу не представляла прежде. Адвокат-новичок получил клиента-новичка. Этим клиентом был Драган Сергевич, но об этом я не упомянул. Упомянул лишь о том, что клиент был «сомнительным». При этом назвать «сомнительными» делишки Драгана было бы весьма и весьма мягко. Зона, в которой он промышлял, горела красным ярче, чем вспышка полицейского радара, засекшего машину, мчащуюся на полном ходу по тротуару.

Однако бизнес Драгана процветал, и некоторые из серьезных клиентов «ДЭД», которые были ему обязаны, замолвили за него словечко.

На первой встрече Драган сказал, что речь идет об уклонении от уплаты налогов. Это не было ложью в чистом виде. Но и не соответствовало обвинению, выдвинутому прокуратурой. Драган избил до полусмерти назначенного по его делу следователя из финансового управления за какие-то критические замечания. После того как следователь пришел в себя, смог самостоятельно принимать твердую пищу и давать показания под протокол, он странным образом не хотел вспоминать ни о своих подозрениях, что Драган уклоняется от налогов, ни о визите самого Драгана. Он сказал, что просто неудачно упал.

В последующие годы кулаки Драгана проявили себя гораздо более эффективно, чем отличные оценки, полученные мной за оба государственных экзамена.

Драган был не только жестоким сутенером, но и крупным наркоторговцем, а также торговцем оружием. Когда я познакомился с ним, он с грехом пополам прикрывал свои гряз-

³ Классическое юридическое образование в Германии состоит из двух этапов: обучения в университете и почти двухгодичной практики. Каждый из этих этапов завершается сдачей т. н. государственного экзамена, то есть после учебы сдается первый экзамен, а после практики – второй. По статистике, лишь 15 % юристов за оба экзамена получают оценку выше удовлетворительной. Данный результат часто является условием для приема в докторантуру. Многие работодатели на фоне переполнения рынка юристами тоже требуют от потенциальных сотрудников результат выше удовлетворительного. Остальным 85 % приходится отчаянно бороться за работу.

ные делишки целой кучей полулегальных фирм, занимающихся импортом-экспортом. Короче: Драган даже для моего работодателя, очень широко толкующего понятие серьезности, был так называемым «паршивым» клиентом – из разряда лиц, которые приносят фирме много денег, но которые не являются ее украшением.

И конечно, это не заставило партнеров фирмы отказаться от Драгана, они, напротив, открывали мне все мыслимые и немыслимые финансовые уловки, чтобы я мог применить их в делах Драгана и содрать с него за это побольше денег.

Драган стал моим первым профессиональным вызовом. Я вложил все свое честолюбие в то, чтобы модернизировать его предпринимательское портфолио и с помощью этого портфолио держать всю его деятельность вне поля зрения прокуратуры. Главными источниками доходов Драгана, как и прежде, оставались наркотики, оружие и сутенерство. Эти деньги я проводил через многочисленные транспортно-экспедиционные агентства, франшизы или бары, доли в которых я покупал для Драгана. Вдобавок я показывал ему, как обманным путем урвать субсидии Европейского союза на несуществующие баклажанные плантации в Болгарии, а с помощью опционов изыскать источники дохода для выпуска ценных бумаг, что, правда, было не меньшим преступлением, чем торговля наркотиками, однако за это никому не нужно было ломать кости. И государство оказывало поддержку. С моей помощью всего за несколько лет образ Драгана в глазах общественности эволюционировал от брутального дилера и сутенера до мало-мальски уважаемого бизнесмена.

Я в совершенстве овладел навыками, которые не изучал в университете: как «влиять» на свидетелей, «запугивать» прокуроров, «подключать к работе» всех сотрудников. Короче, у меня отлично получалось убеждать людей.

– И знаете почему? – спросил я господина Брайтнера.

– Просветите меня!

– Сначала потому, что это было прописано в моем договоре. Я неплохой человек. Честно. Я, скорее, робок и занудлив. Ответственен. Ответственность – это, наверное, мое самое негативное качество. Я полностью отдаю себе отчет в том, что система, в создании которой я принял участие, плоха. Как для окружающих, так и для меня самого. Система, в которой насилие, несправедливость и ложь получают вознаграждение, а любовь, справедливость и правда не являются ценностями, не может быть хорошей. Но я, несмотря на это, сумел остаться хорошим. По крайней мере, в рамках системы. Из чувства ответственности я годами делал все, чтобы эта система работала. И при этом совершенно не замечал, как из целеустремленного юриста-новичка я медленно, но уверенно мутировал в превосходного адвоката, представляющего интересы организованной преступности.

Когда-то мне просто доставляло удовольствие в совершенстве овладевать своим ремеслом. Но перфекционизм – это еще не все. Каждому мало-мальски хорошему адвокату не раз удавалось спасти задницу своего клиента. Но ситуацию это никак не меняло. Даже в самом дорогом костюме Драган был ни капли не похож на серьезного бизнесмена. Он был и оставался жестоким психом.

Связанный адвокатской тайной, я выслушал больше историй о безумных зверствах, чем исповедник Чарльза Мэнсона⁴. К тому же я изрядно поливал дерьмом конкурентов и вероятных свидетелей преступлений Драгана, и неудивительно, что в какой-то момент от меня самого стало дурно пахнуть. То есть сам-то я даже не ощущал этого запаха, в отличие от моей чувствительной жены. В конце концов она решила, что так жить дальше мне нельзя.

⁴ Чарльз Миллз Мэнсон (1934–2017) – американский преступник, создатель и руководитель деструктивной секты «Семья», члены которой в 1969 году, подчиняясь его приказам, совершили ряд жестоких убийств, в том числе убили беременную жену кинорежиссера Романа Поланского – актрису Шэрон Тейт. Мэнсон был приговорен к смертной казни, впоследствии замененной на девять пожизненных сроков.

3. Дыхание

Дыхание связывает наше тело с душой. Пока мы живем, мы дышим. Пока мы дышим, мы живем. Дыхание может стать нашим прибежищем. Когда мы концентрируемся на дыхании, мы концентрируемся на связи тела и духа. С помощью дыхания мы можем устранить влияние негативных эмоций на тело и на дух.

Йошка Брайтнер. Замедление на полосе обгона – курс осознанности для руководителей

Я рассказал Йошке Брайтнеру о своих опасениях, которые уже переросли в прочную уверенность: именно из-за того, что я невероятно удачно веду дела так называемого «паршивого» клиента, я никогда не стану партнером. Я превратился в «паршивого» адвоката. Успешного «паршивого» адвоката. Вот только «паршивые» адвокаты не становятся партнерами.

Я заметил, что во время рассказа у меня начало перехватывать дыхание, заболел желудок и опять сковало шею.

– И когда вы впервые поняли, что ваши ценностные ориентиры сместились?

Я немного подумал и вспомнил ключевой момент.

– Это случилось однажды ночью. Наша дочь Эмили была еще совсем крохой, ей всего месяца два исполнилось. Она, конечно, просыпалась по ночам. Поскольку Эмили была с самого рождения на искусственном вскармливании, то мы с женой могли подменять друг друга. Целыми днями я, как обычно, по уши был загружен работой. Но с удовольствием вставал к ней ночью. Эти минуты ночной тишины наедине с моей крохотной дочуркой в детской переносили меня в другую вселенную, полную мира и спокойствия... Ну так вот, однажды ночью я, совершенно измученный, держал на руках Эмили, которая только что срыгнула и что-то лепетала, а я пытался уложить ее спать и рассказывал о красоте мира. И в какой-то момент я со страхом осознал, что говорю о мире своего детства. А не о том, в котором живу сейчас.

Какое-то время Йошка Брайтнер задумчиво кивал, а потом спросил:

– И почему же вы себя так насилуете? Из-за денег?

Я задумался. Нет, было бы неверно утверждать, что деньги – это единственное, что прельщало меня в работе.

– Я люблю то, что умею. Но я ненавижу тех, для кого это делаю.

– Как это выражается?

– Что? Любовь или ненависть?

– А из-за чего вы здесь?

– Из-за последнего.

– И? Как это последнее воздействует на вас физически?

– Сводит шею, болит желудок, сбивается дыхание...

– Тогда сегодняшнюю встречу лучше всего закончить упражнением на восстановление дыхания.

Брайтнер отставил чашку, расслабил пальцы и медленно встал. Я тоже поднялся, скептически глядя на него. Неужели он и правда собирается научить меня тому, как с помощью дыхания избавиться от злости на опасного преступника-психопата и свою непонятливую супругу?

– Встаньте ровно. Спина прямая, грудь слегка выпячена. Ноги на ширине плеч. Колени слегка согнуты.

Он показывал, я повторял.

Ничего не происходило.

– И?

– Вы дышите?

– Уже сорок два года.

– Тогда сосредоточьтесь на дыхании, – наставлял меня Брайтнер. – Какой частью тела вы чувствуете дыхание?

– Я чувствую его...

Брайтнер перебил меня:

– Это был риторический вопрос. Самое прекрасное в этом упражнении то, что совершенно не важно, какой частью тела вы чувствуете свое дыхание. Главное, что вы его в принципе чувствуете. На вопросы о дыхании вы должны отвечать не мне. А самому себе. Речь идет единственно о том, чтобы вы узнали, сколько всего приятного происходит в вашем теле. Ваше дыхание есть причина и доказательство того, что вы живете. А это настоящее чудо. Не только для вас, но для всех живых существ. Дыхание соединяет тело и душу. Итак, какой частью тела вы чувствуете дыхание?

Я ничего не отвечал, а только прислушивался к себе.

– Вы чувствуете свое дыхание, когда выдыхаете?

Я и на это ничего не ответил.

– А теперь попробуйте почувствовать ваше тело как нечто целое.

Я дышал и все прислушивался. Занудная фигня.

– Это и есть осознанность? – Я попытался закончить упражнение.

– Когда вы сосредоточиваетесь на дыхании, вы осознанны. Это так.

– И тем самым меняю окружающих меня идиотов? – уточнил я.

– Нет. Тем самым вы меняете свою реакцию на этих идиотов.

– То есть идиоты никуда не исчезают?

– Нет, исчезает только их негативное воздействие на ваше хорошее самочувствие. Сейчас у вас есть затрудненное дыхание, напряжение в шее и боли в желудке?

Я снова прислушался к себе. Все прошло. Удивительно.

– Прошло, – сказал я.

– Итак, в следующий раз, когда ваша жена начнет раздражать вас или работа осточертеет, просто ненадолго отойдите в туалет и подышите.

– В туалет? Ну, знаете ли...

– В туалете можете дышать ртом. Главное, чтобы вы находились в защищенном пространстве. Сделайте три вдоха, прислушайтесь к себе, и затрудненное дыхание пройдет. Потом вам станет лучше. И вы сможете гораздо проще воспринять любую проблему. Достаточно на сегодня?

– Думаю, да. На следующей неделе в это же время?

– Нет, на следующей неделе вовремя.

Мне показалось, что не все из того, о чем говорил Йошка Брайтнер, было чушью. По крайней мере, напряжение в шее у меня прошло. С тех пор мы с Брайтнером встречались каждый четверг. Где-то около восьми. Чаше позже.

4. Островок времени

Чтобы не захлебнуться в море требований, которым вы должны соответствовать, создайте для себя в этом море островок времени. Защищенное пространство, в котором вы совершенно осознанно делаете только то, что доставляет вам удовольствие. Тут нет понятия «я должен». Только «я есть». Такой островок – это не место, а временной промежуток. Он может длиться минуту, а может – все выходные. В любом случае это время, которое принадлежит только вам, которое вы определяете и оберегаете. Вы, словно после крупного кораблекрушения, обретаете здесь покой, пищу и восстанавливаете силы. Вы определяете, когда укрыться на этом острове. Вы определяете, когда покинуть его. Вы охраняете ваш островок времени от любых проникновений. И вы знаете, что он у вас всегда есть.

Йошка Брайтнер. Замедление на полосе обгона – курс осознанности для руководителей

Дыхательные упражнения не исправили мой мир. Если бы я рассказал Драгану о тренинге по осознанности и первом дыхательном упражнении, то с той же секунды стал бы для него все равно что педиком. А между тем он по уши загрузил меня работой, которую мне пришлось разгребать в последующие недели. Например, он вбил себе в голову, что нужно превратить один из легально принадлежавших ему жилых домов в самый роскошный бордель в городе. Благородный храм развлечений в классическом здании в центре. На шестом этаже. Мне предстояло решить крохотную юридическую проблему: на оставшихся четырех этажах еще жили люди, а первый этаж был нежилым – его занимал детский сад. Кроме того, использование здания под бордель было вообще не предусмотрено планом застройки. Нужно было переубедить десятки ведомств нелегально поучаствовать в этом деле. Почти каждый вечер я ходил на встречи вместе с Драганом или по его поручению, чтобы кого-то переубедить, кого-то угрозами склонить на свою сторону, нащупать болевые границы и выяснить ответные предложения.

И все же мне удавалось встроить в мой бесконечный рабочий день небольшие упражнения на дыхание и осознанность. Я дышал в лифте строительного управления, перед разговором с его главой, в ходе которого мне предстояло выяснить, насколько большой должна быть «благодарность», чтобы не скатиться до откровенного подкупа или угроз.

Дышал в туалетах жильцов, прежде чем сообщить им, что они могут по недоразумению прямо сейчас остаться без электричества и воды, если добровольно не съедут.

Дышал в своем кабинете, узнав от коллеги, который пришел в фирму на три года позже меня, что со следующего месяца он становится партнером.

И эти маленькие дыхательные паузы действительно снижали мое нервное напряжение, которое ощущает всякий совестливый человек, когда манипулирует другими, угрожает или завидует.

Несмотря на мою постоянную загруженность, даже Катарина заметила, что я готов работать над собой. Вопреки этой готовности, а возможно, как раз благодаря ей в течение ближайших двух недель мы приняли решение по поводу наших отношений, имевшее роковые последствия.

Мы договорились ненадолго расстаться – предпринять совместную попытку разрядить ситуацию. Назывался этот волшебный метод – островок времени. Я услышал о нем на следующей встрече с господином Брайтнером.

– Расскажите мне о стрессе, который вы испытываете дома, – попросил он меня, когда мы отставили чашки с зеленым чаем.

– С чего начать? – спросил я.

– Ну, хотя бы с того, что в какой-то момент вы познакомились.

– Мы с Катариной познакомились на стажировке. Десять лет назад. Она ненавидела учебу, и лишь доводы разума заставляли ее проходить все эти мучения, чтобы в дальнейшем найти солидную работу. Ей приходилось очень тяжело, и мне было ее немного жаль, потому что ее ситуация очень сильно отличалась от моей. Меня учеба увлекала. Я мечтал сделать мир лучше. Как-то раз мы пили кофе и за разговором обнаружили, что наша непохожесть в этом вопросе притягивает нас друг к другу.

– Из-за различной мотивации к учебе люди не начинают встречаться.

– Нет, конечно же нет. Само собой, мы нравились друг другу, оба были свободны. Мы отлично проводили время вместе, и в постели нам было хорошо. Мы подходили друг другу.

– Отношения в стиле «фольксваген-гольф».

– Какие-какие отношения?

– На покупку «гольфа» соглашаются по тем же причинам. Его не назовешь совсем уродливым, его берут, когда лучшего варианта добраться из пункта А в пункт Б нет, а иногда на нем даже можно разогнаться.

– Что же в этом плохого?

– Да ничего. Просто вы мечтаете о «форде-мустанге», а ваша жена о «Фиате 500».

– Какой мне толк от старого «мустанга», если он встанет на полпути?

– У меня не сложилось впечатления, что на «гольф» вы доехали до цели.

– Как бы там ни было с «гольфом», нам было хорошо, и хорошо довольно долго.

– Ваша жена нашла солидную работу, ради которой так мучилась с учебой?

– Она начала работать в какой-то страховой компании, потому что... Честно говоря, я до сих пор не понимаю, почему люди начинают карьеру в страховой компании. Возможно, если начинаешь работать, не имея никаких идеалов, то с годами никаких идеалов и не потеряешь. К тому же работа, которая не доставляет кайфа, не может подсадить тебя на этот кайф.

– А если моральные представления не слишком завышены, то и падать, отступаясь, не так больно.

Черт. Это замечание кольнуло меня еще сильнее. Но я продолжил рассказ.

– Когда мы оба заработали первые деньги, то совместно начали их тратить. Если находили время. Крутые рестораны, экзотические поездки, первая дорогая квартира.

– Что за человек Катарина?

Я заерзал на стуле. На этот вопрос было два ответа. Первый мне нравился. А второй совсем не нравился. Я начал с приятного ответа.

– Когда мы познакомились, она была открытой, предусмотрительной, милой, с чувством юмора. Мы много смеялись над другими.

– А сейчас?

Теперь на очереди был неприятный ответ.

– Закрытая, пугливая, нежна с Эмили, ко мне холодна, абсолютно лишена чувства юмора. Мы больше не смеемся над другими. Зато теперь Катарина превосходно может позлорадствовать над кем угодно.

– Как так получилось?

– Каким-то образом все, что, вообще-то, должно приносить удовольствие, превратилось в обязанность. «Давай сегодня не вылезать из постели» стало «давай уже переедем в общую квартиру, иначе мы никогда не начнем жить вместе». «С тобой я мог бы состариться» перешло в «мама говорит, что рано или поздно мы поженимся». «Ты должен стать отцом моих детей» превратилось в «если я сейчас не перестану пить противозачаточные, то через шесть лет будет поздно рожать третьего».

– Сказочный принц, который спасает принцессу из тюрьмы – то есть от учебы, – превратился в поддакивающего водителя «гольфа», – подытожил Брайтнер и кивнул.

– Что значит «поддакивающего»? Съехаться, пожениться, создать семью – все это мне нравилось. Иначе я не стал бы это делать. Но мне бы хотелось, чтобы все это доставляло больше удовольствия. Я бы хотел все это *прожить*, а не отметить галочкой. Чем больше наши отношения входили в привычное русло, тем незначительнее становились. Мы оба делали карьеру. При этом нам обоим был важен именно *сам факт того*, что партнер тоже делает карьеру. *Что это была за карьера*, нас поначалу особо не интересовало, а с годами она становилась все большей обузой. Катарина все больше ненавидела то, чем я занимался. А чем *она* занимается, я просто не знал. Но каждый из нас легко примирился с тем, что другой зарабатывает хорошие деньги, что бы он ни делал.

– По крайней мере, с финансовой стороны выглядит как прочный фундамент.

– Через пять лет мы поженились. Еще через два родилась Эмили.

– Желанный ребенок?

– Абсолютно. Я мечтал, что ее рождение вдохнет в наши отношения новую жизнь, в прямом смысле. Но я ошибся.

– Ничего удивительного. Если двое взрослых не могут сделать что-то совместными усилиями, то почему ребенок в состоянии изменить ситуацию?

Я задумался над его словами. Почему-то в этих его фразочках, к моему стыду, было много смысла.

– Катарина полностью взяла на себя заботу об Эмили. Кормление грудью по плану. Отлучение от груди по плану. Пражская программа для детей и родителей по плану. Плавание для малышек по плану. Фитнес для молодых мам с колясками по плану. И этот план целиком и полностью определяла мать. Желанный ребенок превратился в запланированного. Только для наших отношений не существовало никакого плана. Дома я был всего-навсего внеплановым нулем с пенисом. Когда я находился дома, то все делал неправильно. Когда я поздно приходил, то и это было неправильно. Мне ничего не оставалось, как только еще больше погрузиться в ненавистную работу. Там я, по крайней мере, хоть что-то значил. И там у меня оставалась свобода действий и доверие коллег.

– И так продолжается с рождения Эмили?

– Более или менее. Да. С тех пор я работаю за двоих. С тех пор Катарина сидит дома с Эмили, если только она не на каких-нибудь курсах из серии «мать и дитя». При этом Катарина терпеть не может других мамочек, но, чтобы не сплеховать, делает все, что делают они. Я вижу свою дочку только спящей. Когда я раздраженный прихожу домой и натыкаюсь на свою уставшую жену, мы все чаще цапаемся. Катарина даже спросила меня однажды, зачем я вообще пришел домой. На этот вопрос я не смог ответить.

– А сейчас сможете?

– Нет, – признался я, не раздумывая.

Это четкое «нет» рассекло наш разговор с хирургической точностью. Последовавшая за ним пауза длилась долго. Но была благотворна. По окончании этой паузы Йошка Брайтнер поджидал меня с сюрпризом.

– Вы знаете, что такое островок времени?

– Что, простите?

– Островок времени. Ограниченный промежуток времени, в который вы делаете только то, что приносит вам удовольствие. И ничего более.

– Вы имеете в виду то, что поколение наших родителей называло «выходные» и «свободный вечер»?

– Верно. А ваше поколение променяло их на смартфоны. Вместо выходных и свободного вечера вы теперь постоянно находитесь в зоне доступа и нуждаетесь в консультантах по осознанности.

– Дурацкий обмен.

– Что касается меня, то я неплохо на этом зарабатываю.

– И как эти островки помогут в моем случае? – поинтересовался я.

– Ну, как ни странно, частично вы уже применяете концепцию островка времени. Так как дома вы себя чувствуете не очень комфортно, то еще больше погружаетесь в работу. Там вам, по крайней мере, не досаждают супруга. Однако – вот чудеса! – похоже, что клиент-психопат нервирует вас не меньше, чем ваша фрустрированная жена.

– И что вы предлагаете?

– Сделайте что-нибудь для себя. Создайте свободное пространство только для себя, где не будет ни жены, ни психопата.

– То небольшое количество времени, которое у меня остается после работы, я бы хотел проводить с семьей.

– С придуманной вами идеальной семьей, которой в действительности не существует. Когда вы физически находитесь дома, а мысленно спорите с кем-то на работе или с женой, это явно не помогает ни вам, ни вашей жене, ни тем более вашей дочери. И вы, и ваша жена хотите, чтобы вы душевно принимали участие в жизни семьи. Так создайте себе надежный островок времени исключительно для жены и ребенка. Где не будет ни единой мысли о чем бы то ни было, кроме вашей семьи. Вот этим временем и наслаждайтесь, если угодно.

– На этом островке у моей жены будет право голоса?

– Конечно же нет. Это ваш островок. Я бы посоветовал вам создать его только для себя и для дочери. Если вы на этом островке, то вы только со своей дочерью. Если вы мыслями не с ней, то можете сразу уходить. Возможно, разлука принесла бы вам и вашей жене некоторую разрядку. Так вы научились бы – а может быть, и ваша жена – говорить только о том, что важно именно здесь.

В тот же вечер я рассказал Катарине об этом предложении. О разлуке, которая станет началом примирения. Рассказал об островках времени. О своем недовольстве. К моему удивлению, Катарина в этом предложении увидела не конец нашего брака, а проблеск надежды на сумрачном горизонте. Вместо упреков в том, что я хочу покончить с нашим браком, она бросилась мне на шею. Впервые за долгие месяцы. Со слезами на глазах.

– Я так благодарна тебе за это предложение. Я не выдержу, если между нами все останется как есть.

– Но почему же ты ни разу не предлагала мне съехать на время?

– Потому что не хочу вышвыривать вон отца своей дочери. Я хочу вернуть того мужчину, за которого вышла замуж.

Она никогда бы его не вернула. Потому что мужчины, за которого она вышла замуж, никогда и не было. Она вышла замуж за чистый лист бумаги, на который спроецировала свои представления об идеальном супруге. А я, как и прежде, был готов к тому, чтобы вести себя так, будто я и есть эта проекция, – как только у меня снова появятся силы для этого.

– Тогда можно мужчина, с которым ты уже долгое время ссоришься, съедет, а мужчина, за которого ты вышла замуж, придет в гости? – осторожно спросил я.

– Мне достаточно, если придет в гости отец моей дочери. Главное, чтобы тип, с которым я постоянно ссорюсь, ушел. А мужчины, за которого я вышла замуж, мне будет не хватать.

Рыдая, мы обнялись.

Но этот теплый момент длился лишь до тех пор, пока хладнокровная Катарина не превратила предложенное мной решение в категоричное условие. Она отстранилась от меня и с угрозой посмотрела в глаза.

– Если у тебя ничего не выйдет с этими твоими островками, то мы расстанемся окончательно. Если ты еще хоть раз поставишь свою работу выше Эмили, то все. Больше ты дочку никогда не увидишь. В конце концов, я ее мать.

Возвращаясь к образу светлой надежды: если этот проблеск на горизонте погаснет и солнце так и не взойдет, то я погружусь в полный мрак. Ее слова не были пустой угрозой. Будучи адвокатом, я отчетливо понимал, что самая яркая феминистка получает полную власть над ребенком, когда ссылается в суде на представления о семье, бытовавшие еще в девятнадцатом веке и актуальные по сей день. Если мать не захочет, то отец никогда не увидит ребенка. И точка. А хладнокровная Катарина была способна на самые решительные действия.

Связанный этой угрозой, я гораздо проще отнесся к переезду. Я был рад выбраться из замерзающего пруда прежде, чем надо мной образуетя корка льда.

Я нашел меблированную квартиру в том же районе города. Мы создали островки времени, когда я занимался исключительно Эмили. Сначала это были часа два или три в первой половине дня, которые я с чистой совестью отработывал по вечерам.

Несколько часов в разные дни превратились спустя две-три недели в воскресный вечер. Затем в целое воскресенье. Каждую вторую неделю – в целые выходные.

Большого моя работа мне не позволяла. Так я думал поначалу.

Благодаря этим островкам я расцвел. Проводить время наедине с маленькой дочкой – это вселяло в меня невероятное чувство свободы. Непринужденно играть со своим ребенком, без матери, которая стоит за спиной и смотрит вам в затылок. Пребывать мыслями не в конторе, а на моем островке времени. Где я был королем, волшебником, папой.

Мы с Эмили могли смеяться до упаду, наблюдая за утками в пруду, и никто нас не одергивал, стыдя тем, что мамочки на другом берегу могут все услышать. Мы могли качаться на качелях тогда, когда они были свободны, а не ждать, пока мама намажет Эмили кремом от солнца.

Нам доставляло такое большое удовольствие заказывать у мороженщика то, что было вкусно. А не то, что прошло тест на *экологичность*.

Для нас с Эмили больше не существовало понятий «правильно» и «неправильно». Мы знали только «хорошо» и «очень хорошо». Час, прожитый с поднятой головой вдвоем с дочерью на моем островке времени, был в тысячу раз ярче, чем целый день, проведенный втроем и с опущенной головой.

И мне действительно удалось сделать так, что время с моей дочерью стало неприкосновенным. Я донес это до своей фирмы. И Драган это знал.

Средства давления какого-нибудь мафиози ничто по сравнению со средствами давления настоящей матери. И хотя Катарина произнесла свою угрозу всего один раз, это висело надо мной. Если я облажаюсь с концепцией островков времени, то нашим отношениям наступит конец. И моим встречам с Эмили тоже.

На этой основе нам с Катариной удалось свести наши споры почти к нулю. Мы прикасались друг к другу исключительно в бархатных перчатках и радовались тому, что Эмили проводит время с обоими родителями, пусть и отдельно, но, очевидно, с большим удовольствием.

Драган, как и многие профессиональные преступники, считал, что он любит детей. Если только они не стояли у него на пути. Он, не колеблясь, скручивал гайки на колесах автомобиля человека, задолжавшего ему десять евро, даже если должник собирался отправиться в отпуск со своей женой и детьми. Но в итоге в качестве подарка Драган преподносил дочерям жертвы аварии, получившим тяжелые повреждения, абонемент в зоопарк.

Эмили было два с половиной года, когда Драган всей своей мощью вторгся на мой островок времени.

5. Цифровое голодание

Осознанность открывает вам доступ к вашим потребностям. Время, когда вы доступны для других, идет вразрез с осознанностью. Сознательно отключать ваш мобильник и компьютер – это прекрасный промежуточный шаг. Однако вашей конечной целью должно быть включать мобильник и компьютер только сознательно.

Йошка Брайтнер. Замедление на полосе обгона – курс осознанности для руководителей

В следующие недели и месяцы новая концепция осознанности начала позитивно влиять на мою жизнь. Мы с Катариной развивали наши отношения в качестве партнеров, такой союз, казалось, был более прочным, чем хрупкие отношения в качестве пары. Ледяной покров, по которому мы двигались, становился все толще. Мы решили: пусть сначала пройдут три месяца моего курса по осознанности и только спустя еще месяц можно будет думать о будущем.

Я уже не зарывался в работу, как прежде, и ожил благодаря Эмили. С помощью Йошки Брайтнера я познакомился не только со значением дыхания и островка времени. Он научил меня всевозможным упражнениям, которыегодились мне и в дальнейшем. Я открыл для себя принцип «безоценочного восприятия», а также «намеренной концентрации». Упражнения по преодолению внутренних сопротивлений прочно вошли в мою жизнь наравне с осознанным дыханием.

Спустя двенадцать недель курс по осознанности подошел к концу, и на прощание Йошка Брайтнер подарил мне свою книгу «Замедление на полосе обгона – курс осознанности для руководителей» (которая должна была иметь кожаный переплет, если судить по стоимости самого курса). Я решил всегда носить ее с собой, чтобы в случае необходимости черпать из нее советы.

В ознаменование начала моей новой осознанной жизни я решил по окончании курса использовать островок времени в ближайшие выходные для короткого отпуска с Эмили.

Катарина была не против.

Она тоже хотела обозначить новый этап в своей жизни и насладиться свободой, которую получила благодаря мне. Она забронировала на выходные номер в спа-отеле. Такого она не предпринимала с рождения Эмили.

Будучи адвокатом Драгана, я имел доступ к его многочисленным объектам недвижимости. Большую часть из них добыл для него я и отдал в распоряжение различных его фирм. В числе таких объектов был сказочный коттедж примерно в восьмидесяти километрах от города, на берегу чудесного озера. С причалом для лодок, пляжем и площадкой для гриля. Эмили любила воду, и мы решили превратить дом на озере в замок на нашем островке времени.

Этот дом я купил для Драгана на сельскохозяйственные субсидии Евросоюза, выделенные для болгарских баклажанных плантаций. Едва поняв, что бюджетные средства выдаются не нуждающимся просителям, а бессовестным наглецам, мы как одержимые всеми способами стали добывать эти средства. На деле – стоило оборудовать в общественном туалете вход для колясочников, как, предъявив пятистраничную концепцию, можно было получить на весь дом грант от Министерства образования для «Центра без границ по повышению квалификации в области инклюзивных исследований». И потратить этот грант на устройство роскошного спа-центра.

Я знал, что на этих выходных Драган собирался в Братиславу с кучей налички, чтобы уладить там несколько дел. Драган знал, что я в это время хотел побыть с дочкой в доме на озере. Посидеть на причале. Поест орехов. Покормить рыбок.

И никто из нас не знал, что выходные пройдут совершенно иначе.

Вся неделя до ночи пятницы была сплошным стрессом. До половины двенадцатого я просидел над документами по делам элитного борделя. В отличие от всех арендаторов, которые относительно легко поддались на уговоры, подкуп или запугивания и съехали, детский сад на первом этаже упорно отказывался покинуть помещение. Так что я был вынужден немного поднажать на учредителя – непокорную родительскую инициативную группу, созданную какими-то благодетелями. Поднажать, разумеется, с помощью юридических рычагов.

Учредителей детского сада я совершенно случайно знал лично. Летом Эмили должна была пойти в садик. Критерии, по которым дети получают место в детском саду, еще более непонятны, чем критерии выдачи лицензии на торговлю алкоголем в борделях. Лицензии на торговлю алкоголем выдаются централизованно. Места в детском саду – нет. Мы с Катариной объехали тридцать одно учреждение, расположенное в нашем районе в десяти минутах езды от дома, и в каждом запросили место. Эта родительская инициативная группа была в нашем списке под номером двадцать девять. Мы приняли, не совсем обоснованно, этих ребят за шутов, желающих изменить мир к лучшему. Я исходил из того, что Эмили получит место в одном из детских садов, числившихся в нашем списке под номерами от первого до пятого. Причем мне было бы любопытно узнать, на каком таком чудесном основании нам бы отказали четыре первых номера из этих пяти детских садов. Так что я не видел проблемы в том, чтобы превратить детский сад под номером аж двадцать девять в храм любви. Я уже предложил родительской инициативной группе очень скромные отступные, в противном случае пригрозил очень грязным иском о выселении. Поскольку срок принятия отступных прошел, я готовил иск о выселении.

Где-то за полночь я добрался до своей квартиры и заснул в предвкушении выходных.

Утром в субботу я забрал Эмили у Катаринины. У меня еще было такое странное чувство, будто я, словно гость, стою на пороге собственного дома, чтобы забрать дочку. Чувство было хоть и странное, но приятное. Еще три месяца назад, до переезда, я в напряжении стоял у этой двери почти каждый вечер. Потому что знал, что вместо приветствия в меня полетят упреки или – что еще хуже – мое присутствие будут полностью игнорировать.

Теперь я позвонил в дверь, и Катарина поприветствовала меня улыбкой и словами «привет, Бьорн, рада тебя видеть».

Какие перемены за столь короткое время.

– Папа-а-а!

Эмили кинулась ко мне из детской. Показав мне все новшества в своей комнате – одна из кукол выросла из пеленок, – она стала собирать свои мягкие игрушки. Мы с ее матерью тем временем пили кофе.

– Эмили невероятно рада вашей поездке, – рассказывала мне Катарина.

– И я тоже очень...

– Но сделай мне, пожалуйста, одолжение и не давай ей прикасаться ни к чему такому в том доме, что связано с твоими отморозенными мафиози.

Одно то, что Катарина сформулировала это в виде просьбы, стало квантовым скачком в нашем общении. Однако опасения Катаринины были полностью обоснованы. В доме, который никто не использовал, просто не существовало ничего такого, что хоть отдаленно напоминало бы о мафии.

– Не беспокойся. Как только замечу, что что-то мафиозное просачивается в дом, сразу прерву наши выходные.

– Чтобы тем самым испортить и мои выходные в спа-центре? – внезапно сменила интонацию Катарина.

– Нет, я... – промямлил я.

– Бьорн, я исхожу из того, что ты мне безоговорочно гарантируешь, что все будет хорошо. Вы в первый раз вдвоем уезжаете на все выходные. Если я не буду уверена в том, что все пройдет без сучка без задоринки, то вам лучше даже не садиться в машину. Ты же знаешь, что стоит на кону.

Вот они опять показались. Трещины на льду. И все, что было под ними. Я выдохнул, чтобы успокоиться, и ласково и спокойно ответил:

– Катарина, я гарантирую тебе, что эти выходные пройдут без приключений. Для Эмили, для меня и для тебя тоже.

– Спасибо, – сказала она, и в ее голосе снова появились теплые нотки.

Катарина попрощалась с Эмили, крепко обняв ее, и со мной, поцеловав по-дружески в щеку.

Затем я вышел из этого слишком большого дома, держа за руку прыгающую от радости Эмили. То, что Катарина по-прежнему могла одной-единственной фразой выбить у меня почву из-под ног, заставило меня внутренне содрогнуться. Но я хорошо запомнил урок: когда я стою у двери, то я стою у двери. Когда я ссорюсь с Катариной, то я ссорюсь с Катариной. Так что я стоял у двери и позволял Катарине быть Катариной. С этого момента началось пребывание на моем островке времени.

Был идеальный день для поездки на озеро отца с дочерью. Чистое небо, и, несмотря на то что шел конец апреля, уже в девять часов утра термометр показывал совершенно летние 27 градусов жары.

Большая проблема нашего времени – постоянная доступность. Скажем спасибо смартфонам. Непостижимое надругательство над реальностью – назвать смартфоном⁵ этот приборчик, который в любое время и в любом месте может закинуть нас в ад рабочих будней по телефону, электронной почте, ватсапу и другим мессенджерам. Более подходящим названием было бы «ruthlessphone»⁶. Но телефон – как оружие: опасность исходит не от самого предмета, а от того, кто его использует. В отличие от револьвера смартфон вредит исключительно своему владельцу. Ну хорошо, револьвер тоже *можно* приставить себе к виску. Но так поступают, чтобы положить конец скверной жизни, а не чтобы осквернить эту самую жизнь.

В книге Йошки Брайтнера я нашел следующий пассаж:

«Осознанность открывает вам доступ к вашим потребностям. Время, когда вы доступны для других, идет вразрез с осознанностью. Сознательно отключать ваш мобильник и компьютер – это прекрасный промежуточный шаг. Однако вашей конечной целью должно быть выключать мобильник и компьютер только сознательно».

Такие правила могут спасти жизнь, если им следовать. В последние недели я всегда отключал мобильник на своем островке времени, и ни разу не произошло ничего такого, что не могло подождать на автоответчике лишних два-три часа. Но, как назло, именно на этих выходных я забыл о цифровом посте. Скорее всего, просто от радостного предвкушения поездки с Эмили я проявил неосознанность. И это не замедлило аукнуться.

Не успел я посадить Эмили в детское кресло и выехать из гаража, как зазвонил телефон. Меня как ошпарило, какой же я лузер в плане осознанности!

На экране высветился неизвестный номер. Это ничего не значило. Драган менял номера телефонов, как некоторые меняют адвокатов. Я мог бы просто отклонить звонок. Но если звонит человек, в чей загородный дом ты едешь, то невежливо игнорировать его. Вполне возможно, это был звонок из серии «желаю тебе приятно провести время». Но маловероятно. Также было бы весьма важно не пропустить такое: «Послушай, на выходные на озеро приедет

⁵ От англ. «smart» – умный.

⁶ От англ. «ruthless» – беспощадный, жестокий.

Мустафа с дюжиной баб, они тебе не помешают?» Я клятвенно обещал Катарине, что подобных сюрпризов не будет. И я ответил на этот звонок.

- Да, – сказал я.
- Старик, ты где?
- И тебе, Драган, доброе утро. Мы с Эмили как раз едем в дом у озера, я же говорил...
- Ты нужен мне тут. Сейчас.
- Драган, сегодня у меня выходные с Эмили.
- Мы идем есть мороженое. – И Драган отключился.

Так как мы понимали, что телефоны Драгана уже несколько лет прослушиваются, мы никогда не вели важных разговоров по мобильному. Мы придумали несколько кодовых фраз, какие бывают в ходу между адвокатом и клиентом. Договариваться о кодовом слове с психопатом-мафиози – дело не из легких. Кто не помнит, кому позавчера он велел сломать ноги, тот, как правило, не в состоянии запомнить и полдесятка фраз, заменяющих различные опасные ситуации.

Именно по этой причине у нас были ровно две кодовые фразы – и все. Первая – «смотреть „Титаник“», вторая – «поесть мороженого».

«Смотреть „Титаник“» означало, что корабль идет ко дну. Нужно бросать балласт за борт и сажать людей в спасательные шлюпки. Драгану еще ни разу не приходилось использовать эту фразу.

«Поесть мороженого» означало: «Становится жарко. Нам нужно срочно встретиться». На первом этаже здания, где располагалась моя контора, было кафе-мороженое. Я арендовал его для Драгана через его же дочернюю фирму. Во-первых, потому, что здесь можно было без проблем отмыть некоторую часть налички. Во-вторых, из-за его местоположения и близости к офису. Помещения для персонала располагались этажом выше, и добраться до них как из подземного гаража, так и из офиса можно было на лифте – и только на нем. В комнатах не было окон, и вход был один – через лифт. Ключей имелось только два. Один у Драгана, второй у меня. Незаметно встретиться там, вдали от моих коллег, всяких шпионов и вообще от людей называлось у нас «поесть мороженого».

До сегодняшнего дня Драган лишь дважды использовал эту кодовую фразу.

В обоих случаях речь шла о том, что Драгана разыскивала полиция и ему нужно было ненадолго пересечься со мной, чтобы дать мне личные указания, прежде чем залечь на дно. На каких свидетелей повлиять и каким образом проинструктировать его сотрудников, как и что делать, до тех пор пока волны не улягутся. У меня была целая стопка доверенностей и даже чистые листы бумаги с подписью Драгана. В его отсутствие я спокойно мог управлять делами от его имени. Оба раза я оправдал его ожидания.

Когда Драган хотел незаметно попасть в здание, то его провозили лежащим на полу одного из его фургончиков с мороженым в подземный гараж, где он исчезал в лифте. Я спускался из офиса. Нас никто не видел.

«Поесть мороженого» – это не просто кодовые слова, это убойный аргумент. Ни полиция, ни прокуратура их бы не поняли, а для нас это означало, что нужно отложить любые дискуссии по поводу необходимости нашей встречи. Что ж, мне необходимо было встретиться с Драганом. Я ответил на звонок, я услышал кодовую фразу. Не важно, что я на своем островке времени. Но, постойте, я что, должен отказываться от своих новых принципов из-за того, что мой клиент-идиот снова велел кому-то переломать кости, или несколько водителей, перевозящих нелегалов через границу, были задержаны во время полицейского обыска, или взлетел на воздух груз с наркотой? Неужели один звонок в состоянии разрушить мои выходные с дочкой, которых я так упорно добивался? Премного благодарен. Дерьмовая работенка. Но выбора у меня не было. Не ответить на звонок было бы еще простительно. Проиигнорировать кодовую

фразу – ни в коей мере. Это в случае с Драганом могло привести к любым последствиям: от проблем на работе до физических увечий.

Взбешенный, я швырнул мобильник на коврик у пассажирского сиденья и нажал на педаль газа. Я разогнался до семидесяти на участке с максимально допустимой скоростью тридцать километров в час, случайно подрезал легковушку и намеренно с визгом тормозов свернул на главную улицу по направлению к центру города, а не на автобан. Этот маленький припадок бешенства подействовал хорошо. И Эмили была очень довольна. Ей понравился визг тормозов, и она радостно закричала:

– Папа, ты что делаешь?

– Я... я...

Да что я, собственно, делал? Я три раза глубоко вдохнул и пошел на компромисс с самим собой: ненадолго заеду в контору, проведу эту бесполезную встречу и потом укроюсь на своем островке времени. И только. Тем самым я не предаю принцип островка времени. У Катарины не будет ни единой причины предъявлять мне какие-либо претензии. Нет ничего такого в том, что субботним вечером отец ненадолго заскочит на работу вместе с дочкой. Если только не считать того, что все это происходило против его воли.

– Папочка ненадолго заедет на работу, – сказал я, словно нечто само собой разумеющееся, и включил музыку Рольфа Цуковски⁷. Мы стали громко подпевать «Январь, февраль, март, апрель – время не стоит на месте», направляясь в центр города.

⁷ Рольф Цуковски (р. 1947) – немецкий певец и автор песен.

6. Внутренний мир оппонента

Обращайте внимание не на то, что говорит ваш оппонент, а на то, что он хочет сказать. То, что вы слышите, – лишь отголоски внутреннего мира вашего оппонента. Когда вы не слушаете, а чувствуете, то даже в оскорблении с его стороны распознаете крик о помощи.

Йошка Брайтнер. Замедление на полосе обгона – курс осознанности для руководителей

В крупных фирмах нет выходных. В крупных фирмах есть только ослабленные галстуки. Даже по субботам наша контора кишит адвокатами, стажерами и другими лизоблюдами, правда не в костюмах, а двойные тарифы за работу в выходной день приумножают и без того раздутые счета клиентов. План мой выглядел следующим образом: я подкараулю какую-нибудь карьеристку-стажерку и прикажу ей поиграть полчаса с Эмили, а сам тем временем «поем мороженого».

Наша фирма занимала три верхних этажа пятиэтажного офисного здания семидесятых годов в центре города. На первом этаже, помимо кафе-мороженого, располагались магазин модной одежды и «Макдоналдс».

– Я буду мягкое мороженое, чикен макнагетс и какао, – сказала Эмили, показывая на явно знакомую ей золотую букву М, когда мы проезжали мимо «Макдоналдса».

Похоже, Катарина уже не так строго придерживалась правил здорового детского питания. Я был благодарен Эмили за то, что она напомнила мне о простых человеческих потребностях.

– Хорошо, солнышко. Мы ненадолго заедем в офис, а потом в «Макдоналдс».

– А потом на озеро.

– А потом на озеро.

– Хорошо.

Подъехав к подземному гаражу, я увидел, как напротив нашего здания в пожарный проезд задом парковалась «БМВ» пятой модели, сидели в ней явно полицейские, невзрачного вида, переодетые в гражданское. Один из них незаметно держал в руке камеру и направлял ее объектив на вход в контору. Я заехал в гараж, припарковался и, взяв Эмили на руки, вошел в лифт.

Мой офис располагался на четвертом этаже, однако я вышел на третьем, где была приемная. За стойкой адвокатской конторы «Дрезен, Эркель и Даннвиц» уже двадцать лет неизменно сидел один и тот же дракон-привратник. Фрау Брегенц потратила лучшие годы своей жизни на работу секретаршей в этой конторе. И потому все чаще свои выходные она проводила именно тут. Когда-то она, несомненно, была привлекательной женщиной. И абсолютно убежденной в том, что в один прекрасный день сорвет куш благодаря своей внешности. Не догадываясь, однако, что внешность – далеко не самое главное. Тем более при полном отсутствии даже намека на обаяние. С годами уровень привлекательности сравнялся с уровнем обаяния. В сухом остатке мы получили мрачную женщину. А копившаяся годами желчь лишала ее всякой возможности понравиться кому бы то ни было. Для всех она была просто драконом-привратником.

Она посмотрела на меня, потом на Эмили. Эмили посмотрела на фрау Брегенц. И показала на нее пальцем.

– Папа, эта старушка живет здесь?

Устами младенцев глаголет истина, и в данном случае эти уста не слишком сильно ошиблись.

– Это фрау Брегенц. Фрау Брегенц заботится здесь о порядке, – попытался я сгладить ситуацию.

Фрау Брегенц с презрением окинула взглядом мой наряд: джинсы и ветровку вместо привычного костюма, сшитого на заказ.

– Насколько я понимаю, у вас сегодня нет встреч с клиентами? – спросила она.

Я глубоко вздохнул, сосредоточился на своем дыхании и проигнорировал замечание фрау Брегенц.

– Доброе утро, фрау Брегенц. Вы не видели фрау Кернер?

– Стажеры закреплены за адвокатами-партнерами, а не простыми штатными сотрудниками. К тому же я не уверена, что *ваши* клиенты являются подходящей компанией для молодой женщины.

Что вообще позволяет себе эта тетка? Неужели она всерьез обиделась на то, что моя дочь справедливо назвала ее старой? Я что, теперь из-за этого должен выслушивать упреки этой драконши по поводу того, что не являюсь партнером? Этим фактом, кстати, я обязан именно тому клиенту, по вине которого вынужден в свой выходной день явиться в офис. Даже будь я в прекрасном настроении, я не стал бы терпеть подобную наглость. А у меня было отвратительное настроение.

– Приберегите ваши советы для бесед на кофе-брейке и ответьте на поставленный вопрос: где фрау Кернер?! – рявкнул я на нее.

Она выпучила от испуга глаза, промямлив в итоге:

– Фрау Кернер в комнате стажеров.

Я посмотрел на Эмили и подчеркнуто спокойным тоном сказал:

– Знаешь что, солнышко, тут ты сможешь немного поиграть, договорились?

Не успела моя дочь ответить, как фрау Брегенц пришла в себя:

– Вы же знаете, что офис – это не детская площадка?!

Люди, практикующие осознанность, вдохнув и выдохнув дважды, понимают, что в этой бедной женщине говорит израненная душа, чьи потребности не принимаются в расчет. Мой тренер по осознанности совершенно ясно объяснил мне:

«Обращайте внимание не на то, что говорит ваш оппонент, а на то, что он хочет сказать. То, что вы слышите, – лишь отголоски внутреннего мира вашего оппонента. Когда вы не слушаете, а чувствуете, то даже в оскорблении с его стороны распознаете крик о помощи».

Где-то глубоко внутри фрау Брегенц пряталась женщина, не имевшая детей, с которыми можно было бы прийти в офис. Женщина, чья заработная плата составляла крошечную толику того, что получали адвокаты, для которых она из-за отсутствия у нее семьи работала в выходные. Женщина, использовавшая возложенную на нее власть, чтобы выместить на других свою обиду за неудавшуюся жизнь.

Пройдя двенадцать недель курса по осознанности и научившись контролировать свое дыхание, я все прекрасно понимал. Это понимание успокоило мой пульс, но тем не менее не компенсировало те десять лет, в течение которых эта женщина доставала меня своими каверзными замечаниями, поэтому я не смог удержаться, чтобы не заметить:

– Ну что ж, отучитесь на юридическом и родите ребенка, вам же еще позволяет возраст. Тогда, возможно, вы сами сможете ответить на ваш вопрос.

С этими словами я, взяв Эмили за руку, прошел мимо нее в комнату стажеров, где, как и ожидалось, сидела Клара Кернер, уже третью неделю работавшая стажером у партнера, к чьему отделу относился я и мой «паршивый» клиент Драган. Клара была совершенно безмозглым отпрыском совершенно безмозглого клиента. Поэтому ей разрешили работать у нас стажером, чтобы утвердить ее в следующей жизненной позиции: я дочка такого-то и делать мне ничего не надо. Как и все стажеры, которые не сумели проникнуть в суть прозы судопроизводства, она раскрашивала приговоры Верховного суда. Читай: она снимала копии с каких-то решений

суда и выделяла маркерами важные, на ее взгляд, места. Правда, выбрать важное для нее было делом чрезмерной сложности, поэтому она просто выделяла *все*. Эта работа не имела никакого смысла, как и в целом ее присутствие в офисе. У нее даже причины никакой не было находиться здесь в субботу – разве что помельтешить перед руководством. Так что мой приход был для нее удачей. Я попросил ее на полчаса отложить свои раскраски и вместо этого порисовать с Эмили. Подобная деятельность явно полезна для нейронов обеих девочек.

В ответ она растерянно посмотрела на меня. И лишь спустя несколько секунд до нее наконец дошла моя просьба.

– Я... ну ладно, я...

– Очень мило с вашей стороны, спасибо, – сказал я резко. – Эмили, папочке нужно немного поработать. Я скоро вернусь. Хорошо?

Эмили критически посмотрела на Клару. Я проследил за ее взглядом: слишком узкая блузка, слишком обтягивающие брюки, слишком туго затянутый шейный платок. Облако «Шанель № 5» плотно окутывало ее. Как и многие стажеры, она выглядела как благородная колбаска, а пахла как старая тетка.

– А где же карандаши? – спросила Эмили строго.

– У Клары классные карандаши, которые рисуют гораздо лучше обычных, посмотри-ка, как Клара тут красиво все раскрасила.

Я показал ей разноцветные приговоры Верховного суда. Клара явно гордилась своими листами, размалеванными розовым, зеленым и желтым.

– Розовый – мой любимый цвет, – сказала Эмили.

– Ну вот видишь. – Я повернулся к новоиспеченной гувернантке: – Клара, вы можете пойти в большую переговорную.

– Но и тут достаточно места...

– Да, Клара, верно. Но тут нет больших офисных кресел, на которых можно весело раскручиваться и кататься по залу. Поупражняйтесь в этом занятии никогда не поздно. Такому не научишься в университете.

Если уж моей дочери приходится провести какое-то время в офисе, то, пожалуйста, со всеми причитающимися удобствами.

– Но фрау Брегенц не одобрит этого.

– Тем лучше. – Я с энтузиазмом улыбнулся девушке. – А если Эмили что-то понадобится, то позвоните мне.

Пока Клара и Эмили медленно шли к переговорной, я поспешил к лифту. Я притворился, будто поднимаюсь на следующий этаж в свой кабинет. На самом же деле я спустился вниз «поесть мороженого», на вынужденную встречу с Драганом, которую я уговаривал себя называть «совещанием». Меня ждал неминуемый провал.

7. Безоценочное восприятие

Нас беспокоит не само событие как таковое. Только когда мы начинаем классифицировать его, нам становится страшно. Ни одно происшествие само по себе не является плохим или хорошим.

Йошка Брайтнер. Замедление на полосе обгона – курс осознанности для руководителей

Помещения для персонала в кафе представляли из себя, по сути, кладовку. Тут хаотично стояли несколько ржавых столиков на одной ножке, поломанные пластмассовые стулья, у стен громоздились коробки с вазочками для мороженого, пластиковыми ложечками и рабочей одеждой. Драган был уже на месте. От его почти двухметровой мускулистой фигуры исходила дерзкая брутальность. Но, одетый в дорогой дизайнерский костюм, он несколько терялся в этом убогом помещении. Словно тигр, запертый в клетке для грызуна. Драган нервно курил.

– Ну наконец-то, – сказал он вместо приветствия.

– Извини, пробки. Я как раз ехал с Эмили на озеро.

Я был профессионалом и умел утихомирить свой пульс почти до нормальной частоты. Это просто сверхплановая встреча. И все.

– Что еще за Эмили?

Мой пульс участился.

– Эмили! Моя дочь! – Все во мне негодовало. Драган был, очевидно, совершенно не в курсе того, как некстати он прервал мое пребывание с Эмили на нашем островке времени.

– Точно. Ты же знаешь, я люблю детей. Но нужно разделять семью и работу.

С такими, как Драган, было бессмысленно заводить разговор на тему о правильном балансе работы и личной жизни. К тому же я не его психолог, я его адвокат. Мне хотелось поскорее вернуться к дочери.

– Ну, давай тогда поговорим о работе. Что случилось?

– Меня ищут.

– В связи с чем?

– На парковке у автобана один курьер получил пару царапин.

Еще со времен первого дела я усвоил, что Драган представляет все происшествие в очень оптимистичном свете, и, как правило, в его подаче не видна даже верхушка айсберга, в который он врезался на полном ходу. Царапины, очевидно, были лишь второстепенной деталью проблемы.

– А за что тебя разыскивают?

– Потому что я... разок-другой заехал этому идиоту...

– И из-за этого мы сидим теперь тут?

– Ну ладно... тот тип мертв.

Когда на банковского кассира нападают, то он в большинстве случаев переключается на достойный удивления уровень профессионала: начинает обращаться с грабителями, как с нервными клиентами, и проигрывает заученную программу. До тех пор, пока грабитель не исчезает с деньгами. И только потом его охватывает неопишуемый страх. Я все еще лелеял надежду, что после разговора со своим профессионалом-адвокатом Драган просто снова исчезнет. И я осознанно, стоя на одном месте, выдохну весь этот стресс. Итак, я переключился на уровень профессионала, глубоко вздохнул, сидя на стуле, и заметил, как мой пульс снизился до ста ударов в минуту.

– Что конкретно произошло?

– Через пару месяцев на нашей территории нелегально начнут барыжить за полцены.

Хорошо, это уже походило на мало-мальски экономическую проблему. Ничего особенного для юриста по хозяйственному праву. Торговля классическими наркотиками, героином или кокаином, с финансовой точки зрения похожа на эстафету. На каждом этапе палочка передается с прибылью дальше. Большую часть барыша получают перед самым финишем. Когда порошок разбавляют и делят на порции для конечного потребителя, возникает маржа⁸, которую сложно себе представить. Продавая даже за полцены, можно заработать приличные деньги. Разумеется, если конкурент подбирает под себя твою территорию, то уплывает вся прибыль.

Я вопросительно посмотрел на Драгана:

– Откуда ты это знаешь?

– От Тони.

Тони у Драгана руководил сбытом наркотиков. Беспощадный дилер, который ни в чем не уступал Драгану в плане жестокости. Как это свойственно многим успешным преступникам, в его основные компетенции не входил комплексный анализ текущей ситуации. Однако у него было особое чутье: он знал, что нужно сделать, чтобы извлечь выгоду и избежать потерь. Благодаря этому чутью он делал самый большой оборот в фирме и считал себя вторым номером во всех делах Драгана. Но больше никто не разделял этого мнения. По крайней мере, Драган.

– Хорошо, а почему Тони не решит этот вопрос? – поинтересовался я.

Если бы Тони выполнил свою работу согласно прописанной мною организационной структуре, мне не пришлось бы сейчас торчать в этой каморке.

– Тони считает, что за этим стоят парни Бориса, – ответил Драган.

Борис был прямым конкурентом Драгана. Оба начинали вместе как сутенеры, одно время были закадычными приятелями, но в какой-то момент переругались. После кровопролитного выяснения отношений они разделили между собой территорию, и несколько лет все было более или менее спокойно. Я тоже приложил к этому руку, тайно дав Борису несколько советов по легализации его доходов.

– Ладно. А какое это все имеет отношение к убитому на парковке? – спросил я.

– Мне и Саше дали наводку, что на парковке какой-то тип передаст Игорю наркоту, которую он потом распространит на нашей территории.

Саша был водителем Драгана и его личным помощником. Болгарин. На родине он изучал технологию защиты окружающей среды и сразу по окончании университета приехал в Германию. Тут он обнаружил, что его диплом не признается действительным. И вместо того чтобы стать инженером, он для начала подрядился швейцаром в один из баров Драгана. Игорь, с другой стороны, был правой рукой Бориса по всем вопросам, связанным с наркотой.

– Так, и от кого пришел этот тип?

– От Мурата.

Мурат был представителем Тони.

Драган потушил сигарету в пепельнице.

Если когда-нибудь придется собирать воедино все факты для прокурора, то звучать это будет следующим образом: Драган, шеф преступной группировки, ехал со своим ассистентом Сашей в Словакию. По пути ему позвонил не шеф его наркоотдела, Тони, а ассистент последнего, Мурат. Мурат рассказал Драгану, что враг Драгана, Борис, шеф конкурирующей преступной группировки, якобы отправил Игоря, свою правую руку, на парковку у автобана. Там, на территории Драгана, Игорь должен был проверить нелегальную как по меркам уголовного кодекса, так и по понятиям обеих преступных группировок сделку по торговле наркотическими средствами.

– И этого было достаточно, чтобы ты прикончил парня с наркотой?

⁸ *Маржа* – разница между себестоимостью товара и его конечной ценой.

Драган вытащил очередную сигарету из пачки. Примечательный спектакль, поскольку у этого громилы были не руки, а лапищи. Однако когда он доставал тоненькую сигарету из пачки, то отставлял в сторону мизинец, словно чинно потягивал из чашечки эспрессо. На безымянном пальце его правой руки красовался вызывающий перстень-печатка, который за долгие годы почти врос в кожу.

Этот сыгранный как бы невзначай мини-спектакль, к сожалению, никак не подходил к его тут же сказанным как бы невзначай словам:

- Так я прикончил не того типа с наркотой, я прикончил Игоря.
- Бред какой-то.

Я видел, как мой островок скрывают волны, накатывающие все выше и выше. Когда глава картеля лично убивает правую руку главы конкурирующего картеля, настроение резко падает.

И требуется срочно что-то предпринимать.

– Мы с Сашей просто хотели мирно разъяснить парням, где проходят границы владений. Но ситуация вышла из-под контроля.

«Разъяснить, где проходят границы владений» – вполне себе в духе старых немецких традиций. Прежде крупные землевладельцы при межевании границ брали с собой на поле детей арендаторов и ставили их к новому межевому камню. Там отвечивали детям столько оплеух, что те запоминали место на всю оставшуюся жизнь и всегда могли сказать, где проходит граница участка.

– Драган! Ну почему ты продолжаешь делать подобные вещи лично? Почему не перепоручил Саше? Или Тони? Я думал, ты уже давно в Братиславе!

– Я собирался в Братиславу с Сашей. По дороге Саше позвонили и сообщили о встрече. Та парковка была по пути. Я хотел лично получить удовольствие, разделавшись с этим идиотом. Все, что касается Бориса, это личное.

Получить удовольствие? А обо мне кто-нибудь подумал? Пульс зашкаливает, сто семьдесят ударов в минуту. То, что мой клиент «ради удовольствия» убить кого-то прерывает свою поездку, еще не дает ему права требовать того же от меня.

В тесноте крошечного чулана без окон просто не было места, чтобы стоя выправить дыхание и снять охватившую меня ярость. Ближайшее место для отступления – туалет рядом с приемной фрау Брегенц. Но шансы уйти в данный момент равнялись нулю. Только внезапный сердечный приступ у Драгана помог бы мне сейчас. Я посмотрел на Драгана. Ни единого признака надвигающегося коллапса. Напротив, похоже, эта история даже развеселила его.

Я на секунду закрыл глаза, сделав вид, что думаю, трижды вдохнул и выдохнул, пульс снизился до ста пятидесяти ударов в минуту, тогда я снова открыл глаза.

– Свидетели есть?

– Вообще не должно было быть. В это время на парковке ни души. Только этот дерьмовый автобус заехал.

– Какой еще автобус?

– Междугородний.

– С близорукими пенсионерами?

– Скорее, с детьми, не по годам умными.

– Сколько их было?

– Без понятия. Сколько этих двенадцатилетних придурков поместится в такой автобус? Может, пятьдесят?

– Двенадцатилетних придурков? Мне казалось, ты любишь детей?

– Дети – это радость жизни. Но не в четыре утра на парковке.

– Сколько детей, как думаешь, видели ваши разборки?

– Думаю, все.

– У скольких были мобильники, на которые они снимали?

- Хм... Ну, не знаю... Вероятно, тоже у всех.
- То есть мы имеем пятьдесят видео, на которых ты убиваешь человека на глазах у пятидесяти школьников?
- Нет, максимум сорока девяти.
- Почему?
- Я подбежал к автобусу и вскочил в него. Вырвал смартфон из рук первого попавшегося парнишки, бросил его на пол и растоптал и сказал остальным, чтобы сделали со своими то же самое.
- И сколько из них в этот момент снимали тебя?
- Остальные сорок девять. Но звук на записи будет ужасным, потому что они все истерично орали.
- Может, этот сумасшедший вдобавок ко всему еще отмутил этих детей?
- И что потом?
- Потом приехала полиция, и мы смылись.
- В Сети уже есть какие-то фотографии?
- Да.
- По телевидению?
- Да. Тоже показывали.
- Тебя можно узнать на них?
- Ну, изображения очень размытые. Если бы это было уведомление о штрафе с фото, ты бы точно его опротестовал.

Драган протянул мне свой мобильник, коснулся экрана, чтобы проиграть видео с YouTube, которое, очевидно, было нарезкой из новостного выпуска канала «N 24». Я лицезрел видеозапись невероятно высокого качества, на которой Драган с железным прутом в руке выскакивал из фургона и набрасывался на лежащего на земле человека. Качество записи было отменным не только благодаря навороченному смартфону двенадцатилетнего подростка, но и тому факту, что человек на земле горел ярким пламенем, как и фургон, из которого он, видимо, и выбрался. Но тут появился Драган с железным прутом, и вскоре человек на земле уже не двигался, только продолжал гореть.

Я остановил видео.

Меня тошнило. Вид горящего заживо человека, которого убивает другой человек, сидящий сейчас напротив меня, не удастся вычеркнуть из памяти никакими дыхательными упражнениями, даже если бы у меня была возможность сделать эти упражнения. Мне сложно было принять нужную позу перед этим человеком, чтобы сосредоточиться на дыхании: ноги на ширине плеч, колени слегка согнуты, грудь вперед.

И это приводило меня в еще большую ярость. Просто нельзя допустить, чтобы Драган за полдня перечеркнул двенадцать недель моего курса по осознанности. Вероятно, следовало повнимательнее порыться в различных техниках осознанности, чтобы найти подходящее упражнение против моего отвращения, ярости, страха, растерянности и неприязни. Я дышал сидя и копался в воспоминаниях последних двенадцати недель. Йошка Брайтнер открыл мне, что не события сами по себе тревожат нас, а наше восприятие этих событий. Перефразируя Эпиктета⁹, господин Брайтнер говорил: *«Нас беспокоит не само событие как таковое. Только когда мы начинаем классифицировать его, нам становится страшно. Ни одно происшествие само по себе не является плохим или хорошим»*.

⁹ *Эпиктет* (ок. 50–138) – древнегреческий философ-стоик; основал в Никополе философскую школу; считал, что основная задача философии – научить различать то, что сделать в наших силах, и то, что нет. Людям неподвластно все телесное, внешний мир, но мысли, стремления, а следовательно, и счастье им подвластны.

Итак, для начала я попытался посмотреть на видео с этой точки зрения. Там был человек, который горел. Ладно. И был еще один человек, который убил того, который горел. Так, ладно. То, что убийца – психопат, это просто оценочное суждение. Это не есть хорошо. Если бы горящий человек до этого пытался совратить мою дочь, я с гораздо большим пониманием отнесся бы к типу, который его поджег, а потом убил. Не сам поджог и не само убийство были отвратительными. А моя оценка оных. В общем и целом такова теория.

Де-факто только что убитый человек не пытался совратить мою дочь. Он ее даже не знал. В отличие от Драгана. Он-то ее знал, но забыл ее имя. Он знал о моей семейной ситуации. Но ему было все равно. Он знал о моих планах на выходные. Но он начал на них. На видео перед ним был живой человек. Но он убил его...

В этот момент зазвонил телефон, так что я смог ненадолго отвлечься от всего этого. На экране высветился номер переговорной моей конторы. Следующее потрясение. Неужели что-то с Эмили?

– Аллю, что случилось?

Звонила Клара.

– Господин Димель, Эмили только что разрисовала стул в конференц-зале.

– С Эмили все хорошо?

– Да, она веселится, но стул...

– Так зачем же вы мне звоните?

– Потому что не знаю, что теперь делать. Если фрау Брегенц увидит...

К черту фрау Брегенц.

– Сколько в зале стульев?

– Два, четыре, шесть... двенадцать... пятнадцать.

– Тогда скажите Эмили, что она молодец, и позвоните мне только тогда, когда она закончит с пятнадцатым стулом.

Я отключился.

Драган уставился на меня.

– Ты что, не в своем уме? Я в полной заднице, а ты беседуешь о каких-то стульях?! – рявкнул он мне в лицо.

– Послушай, Эмили наверху. И для нее я доступен в любое время.

– Мне плевать, кто там у тебя наверху. Тут внизу играет музыка. И если кому-то наверху она мешает, я лично поднимусь и разъясню все по пунктам.

Этого мне еще не хватало. Я попытался вернуть Драгана к теме нашего разговора.

Я показал на кадр с горящим человеком:

– Это Игорь?

Драган смутился на секунду. Он еще раз внимательно просмотрел видео – как будто парковка кишела горящими людьми.

– Да. Это Игорь. Тот, что на земле.

– Почему он горит?

– Так мы немного подпалили ему зад.

«Подпалить кому-то зад» в мире Драгана не было метафорой, обычно эти слова воспринимались буквально. Этому кому-то разбрызгивали на штаны бензин, и он обычно замечал, что что-то не так, когда в него летела горящая зажигалка. Как правило, огонь удавалось потушить после появления первых пузырей на ягодицах.

– Я же сказал, что ситуация немного вышла из-под контроля. Этот говнюк просто не смог дождаться в машине, когда мы потушим его задницу. Приспичило непременно выскочить.

– А тот тип с наркотиками?

– Тут тоже такое дело... Как выяснилось, у него не было никаких наркотиков. Он собирался передать Игорю ящик с ручными гранатами. Но у Игоря загорелась задница.

– И? Если дальше ничего не произошло, то где же этот тип?

– Этого Саша уложил в нокдаун в минивэне. С ним никаких проблем.

Никаких проблем. Значит, он тоже мертв. Я покачал головой в попытке собраться с мыслями.

– Может такое быть, что звонок с наводкой был подставой, в результате которой ты теперь в полном дерьме? И я вместе с тобой? Какой-то звонок с непроверенного номера от непонятного ассистента Тони – и ты как сумасшедший бросаешься на встречу?

Я еще ни разу не разговаривал так с Драганом. Стало легче. Драган, казалось, вовсе не заметил моего тона. Он был занят другими вещами.

– Откуда, скажи на милость, я должен был знать, что там остановится автобус, а? – огрызнулся он. – Автобус, набитый школьниками! Какой нормальный водитель остановится ночью с детьми на неосвещенной парковке? Можешь мне объяснить? Так не делают, когда перевозят детей. Я люблю детей!

Я снова посмотрел на экран смартфона и запустил видео. Что Драган понимал под любовью к детям – можно было хорошо увидеть в следующей сцене, где он, снятый из окна автобуса, сначала разбивает железным прутом лобовое стекло этого самого автобуса, а потом заходит в дверь, вырывает телефон из рук парнишки лет десяти, не более, сует свой кулачище под маленький дрожащий подбородок ребенка и рычит на него: «Вы ничё не видели, иначе я вас всех прикончу».

Материала, отснятого на сорок девять мобильных, явно хватило на целый выпуск новостей. Последовали записи с других телефонов. Выпуск заканчивался крупным планом «поршекайна», принадлежавшего Драгану, номера на машине отсутствовали. Было видно, как Драган запрыгивает на заднее сиденье автомобиля, который затем скрывается с парковки. На заднем плане горящий минивэн взлетает в воздух от взрыва ящика с ручными гранатами и рассыпается на тысячи кусочков вместе с предполагаемым дилером, находившимся без сознания внутри. Хорошая нарезка, такая заворожила бы даже зрителей в кинотеатре.

Итак, в сухом остатке у нас имелся не только тип «с парой царапин», еще имелся заживо сгоревший человек, разорванный на куски ручной гранатой свидетель, убийство и пятьдесят травмированных школьников. Для Драгана – мелочи, для меня же, как адвоката по уголовным делам, напротив, существенные обстоятельства.

– Где Саша?

– Саша внизу, в фургоне с мороженым. Он привез меня сюда.

– Нет, я имею в виду, есть ли Саша на записи? Его тоже можно где-то узнать?

– Нигде. Сначала он сидел со мной в минивэне, а когда приехал автобус, то сразу подогнал «кайен». Натянул на голову свитер. Получилось, как в маске.

– А номера «кайна»?

– Саша их сорвал и бросил в машину.

Саша молодец.

– Где сейчас этот «кайен»?

– В аэропорту. На долгосрочной стоянке. Саша достал фургон с мороженым и привез меня сюда.

– Смартфоны?

– Разбиты на автобане. Я же не идиот.

Я не стал комментировать последнее его высказывание. Посмотрел на Драгана:

– И что прикажешь мне сейчас делать?

– Ты у нас адвокат. Вот и сделай что-нибудь, разберись с этим дерьмом.

Я снова почувствовал, как меня охватывает ярость.

– Верно, – со злостью сказал я. – Я адвокат. А не сантехник. Но если происходит дерьмо подобного масштаба, тут и мои возможности безграничны.

– Включай адвоката, либо будешь жрать дерьмо.

Моя сонная артерия начала бешено пульсировать. Какое-то время мы молчали. Драган был прав. Мне не было никакого смысла протестовать. В любом случае все козыри были у него.

– Ладно, – сказал я как можно более спокойно. – Вариант первый: ты сдаешься. Если ты сдаешься, то вытаскивать тебя из каталажки мне будет очень непросто. Не с такой доказательной базой. Даже если я подарю каждому ребенку из того автобуса по щенку и пригрожу убить его. Записи уже гуляют по Сети.

– Ты соображаешь, что говоришь? Мне сдаться?

– Вариант второй: ты не сдаешься. Если ты не сдаешься, то не легавые будут самой большой твоей проблемой. Ею будет Борис. Если он найдет тебя, то, возможно, ты пожалеешь, что не за решеткой. Он не оставит безнаказанным поджог и убийство своего человека.

Драган ударил обеими ладонями по столу:

– Эй, господин адвокат! Уже годами мы работаем, четко разделяя наши роли: у меня проблема – у тебя решение! Итак, что нам делать?

Он смотрел на меня широко раскрытыми глазами и ждал ответа.

Об истинной проблеме – совершенно очевидно, что Драгана заманили в ловушку ложным звонком, – в таком состоянии я не хотел ему напоминать. В этой бедственной ситуации я прибегнул к черному юмору:

– Заляг на дно, пока волны не улягутся. Лет так на тридцать-сорок.

Глаза Драгана превратились в узкие щелочки. Меня сразу бросило и в жар, и в холод. Сейчас он схватит меня за горло. Но вот, очень медленно, его губы растянулись в широкой ухмылке. Драган поднял руки, подался вперед и, улыбаясь, похлопал меня по плечу.

– Так и сделаем.

Этот идиот и правда подумал, что прятаться в течение последующих десятилетий было решением его проблемы.

– Драган, тебе не удастся даже выйти из здания. Перед въездом в гараж уже ждут легавые в штатском. Они разберут твой фургон с мороженым на запчасти.

– Тогда поедем на твоей машине.

– Что, прости?

– Я спрячусь в багажнике, и ты вывезешь меня из города. А там посмотрим.

Я в полной растерянности таранился на него. За доли секунды мой пульс бешено ускорился. Не может такого быть, чтобы он говорил всерьез. Он не просто хотел высадиться на моем островке времени поболтать о том о сем. Он собирался занять его целиком. Мне придется либо оставить Эмили одну в конторе, либо посадить ее в машину с этим преступником. Ни то ни другое не удастся скрыть от Катарини. Если бы я допустил подобное, то точно нарушил бы обещание, данное Катарине менее часа назад во благо наших отношений. Когда я забочусь об Эмили, то я забочусь об Эмили. И ни о чем другом. Это нерушимое правило. И сейчас это правило будет нарушено только из-за какого-то кретина?

– Драган, прошу тебя! Со мной ребенок. Я не могу таскать тебя в багажнике по всей Европе.

– Тебе и не надо таскать меня в багажнике по Европе, нужно просто вывезти из города. Будет даже здорово, если Эмма сядет впереди.

Эмма? Это уже слишком. Я заорал ему в лицо:

– Эмили! Ребенка, которому ты сейчас испортил выходные, зовут Эмили!

К счастью, эти помещения имели достаточно хорошую шумоизоляцию.

Драган заорал мне в ответ:

– Насрать мне на твою Эмилию! Речь идет о моей жизни!

И вдруг его голос стал тихим и настойчивым:

– Сейчас я спускаюсь в гараж, и Саша прячет меня в багажнике твоей машины. Ты спускаешься с Эмилией, и вы вывозите меня из города. Когда легавые увидят твою соплячку, они и не подумают, что у тебя в багажнике кто-то есть.

Насрать на Эмилию? Соплячка? Этот тип наплевал на мое обещание жене, которое я дал ей, чтобы спасти наши отношения, и только что назвал моего ангелочка соплячкой?

– Ее зовут Эмили, мудака...

Я замер. Что я натворил? Неужели я только что вступил в спор с самым жестоким мафиози в городе? Это было... не очень осмотрительно. Скорее, опасно для жизни.

Драган встал. Он обеими руками схватил меня за воротник и придвинул к себе так, что я почувствовал его прокуренное дыхание.

– Никто. Не называет. Меня. Мудаком. – Он тяжело вздохнул. – Если бы ты не был нужен мне сейчас для побега, то был бы уже мертв. Если ты не выполнишь то, что мне надо, на все сто процентов, то скоро у тебя не будет никакого ребенка и нового завести не удастся. Ясно тебе?

Я кивнул.

– Яснее ясного, – выдавил я из себя. Я не узнал свой голос.

Драган толкнул меня обратно на стул и сел сам.

– Ну, тогда хорошо, господин адвокат. Если ты доставишь меня в целости и сохранности, то я готов забыть этот маленький инцидент. Но если ты сейчас облажаешься, если побег мой не удастся, если я по какой-то причине окажусь не в безопасном месте, а в полиции, то ты покойник. Тебе ясно?

Я снова кивнул. Мысли мелькали, но ничего толкового не приходило на ум, что помогло бы мне выпутаться из этой ситуации. Живым. Я должен подчиниться Драгану, должен вывезти его. Возможно, мне даже удастся сделать это так, что Эмили ничего не заметит. Возможно, потом я даже смог бы поехать с Эмили в домик на озере. Если бы мне повезло, если бы мне, черт побери, по-крупному повезло... то Катарина не узнала бы о том, что случилось.

– Это будет считаться уклонением от наказания, – прохрипел я еле слышно.

От этих слов на губах Драгана заиграла улыбка.

– Именно, умник!

– И куда, позволь спросить, я должен отвезти тебя?

– Отвези меня в домик на озере! Там я, по крайней мере, отдохну.

Я осел на стул. Я провалился. Как муж, как отец, как адвокат. Со мной покончено.

Но как раз в тот момент, когда догорала последняя искра надежды, случилось нечто совершенно фантастическое. Именно в этот момент окупился весь мой двенадцатинедельный тренинг по осознанности. Словно небесный луч, прорезав черные тучи, осветил мою душу, и я почувствовал полное спокойствие. Я очень четко представил себе, как стоял под дверью Йошки Брайтнера, когда опоздал и сомневался, нужно ли звонить во второй раз. Мой внутренний голос сказал мне: «Когда стоишь под дверью, то и стой».

Когда я «ем мороженое» с преступником, то я «ем мороженое» с преступником.

Когда я веду машину с преступником в багажнике, то я веду машину с преступником в багажнике.

Когда я на озере, то я на озере.

Все было так ясно. Так просто.

Мне совершенно не нужно было думать о том, как все кончится. О последствиях для дочери, для брака, для моей свободы. Возможно, я несусь под откос, но это также значит, что я туда еще не скатился.

Я проанализировал свое текущее состояние: в данный момент моя дочь находилась этажом выше, моя жизнерадостная дочурка, с которой я – как бы там ни было – собираюсь провести выходные. Я все еще был жив. У меня была жена, которая не знала, что я сейчас делаю. И я не сидел за решеткой.

Итак, в данный момент все было в порядке. А что будет через некоторое время, я просто не знал. Так что не было никакого смысла бояться этого будущего до тех пор, пока оно не наступило.

– Хорошо, – сказал я. – Вот ключи. Встретимся в гараже.

Драган взял у меня ключи, и на лице его отчетливо читалось: почему так долго? Потом он встал и спустился на лифте в гараж. Я подождал, когда лифт вернется, и поехал на четвертый этаж.

В нижнем ящике письменного стола в моем кабинете было несколько предоплаченных телефонов. Правовые барьеры для законного прослушивания телефонных разговоров между адвокатом и его клиентом было невероятно сложно преодолеть, чего нельзя сказать о барьерах технических.

Если Драган и правда хотел залечь на дно, то нам понадобится надежный канал связи.

Когда я планирую побег, то я планирую побег.

Я ненавижу свою работу. Но делал ее превосходно.

8. Расслабляющая триада

Если вы замечаете напряжение, уясните для себя три вещи:

- 1. Вам не нужно ничего менять.*
- 2. Вам не нужно ничего объяснять.*
- 3. Вам не нужно ничего оценивать.*

Вам не нужно ничего делать, чтобы расслабиться. Сам факт того, что вы распознали и признали накопившееся напряжение, уже порой творит чудеса. Вам также не нужно искать причину напряжения. Просто позвольте себе быть напряженным. И вам не нужно оценивать, как это напряжение влияет на вас. Пусть напряжение останется напряжением. И вы заметите, как оно пройдет само по себе.

Йошка Брайтнер. Замедление на полосе обгона – курс осознанности для руководителей

Едва я вошел в контору, как зазвонил телефон. Фрау Брегенц ледяным тоном сообщила мне, что на проводе Петер Эгманн, глава убойного отдела. Я знал Петера со студенческих лет. Мы оба рано увлеклись уголовным правом. Его достижений хватило, чтобы попасть на государственную службу. Так он и заполучил убойный отдел. Мои юридические достижения были слишком высоки для скромной зарплаты государственного служащего. И вот я заполучил убийцу.

У Петера был сын, одного возраста с Эмили, и хороший брак. Мы уважали друг друга, хотя, как правило, находились по разные стороны в зале суда.

Я сделал усилие над собой, чтобы придать голосу привычный бодрый тон, что мне далось с трудом.

– Привет, Петер, чем могу помочь?

– Ты уже видел сегодня своего любимого клиента?

– Ты же знаешь, что я не отвечаю на этот вопрос.

– Может статься, что ты уже видел его по телевизору. Или в Интернете.

– И на этот вопрос я не буду отвечать.

– Если увидишь его лично или будешь говорить с ним, передай ему, пожалуйста, кое-что от меня.

– Почему бы тебе не поискать его самостоятельно, если ты так хочешь пообщаться с ним?

Или тебе не платят за это?

– Я же знаю, как тесно вы общаетесь. Так что, когда увидишь его, просто скажи ему спасибо. Мне еще не попадалось убийство, которое было бы так просто раскрыть.

– Понятия не имею, о чем ты.

– А почему же тогда ты в субботу утром в офисе?

– Потому что моя дочка захотела поиграть в адвоката.

– И как играют в адвоката?

– Сидят в переговорной и раскрашивают цветными маркерами приговоры Верховного суда.

– Мой сын охотно проделывает то же самое, сидя в управлении, с ордерами на арест. Но ордер на Драгана и без его художеств выглядит вполне убитым.

– Хватит уже, Петер. Давай выкладывай, чего ты хочешь от меня?

– Передай ему, он должен сдать. Это сохранит ему и нам много нервов.

– А тебе еще и выходные.

Я положил трубку. Взял два prepaid-телефона, выключил свой мобильник и спустился на этаж ниже.

К счастью, от Йошки Брайтнера я знал совершенно простую «триаду» осознанности. Во-первых, принимай вещи такими, какие они есть. Когда ты напряжен, ты напряжен. Во-вторых, признай это. Сначала даже не пытайся объяснить это напряжение. Позволь себе быть напряженным. И в-третьих, не оценивай ситуацию.

Итак, я смирился с тем фактом, что нарушил все свои договоренности с Катариной. Я принял как данность то, что собираюсь отвезти в багажнике своей машины психопата в тот загородный дом, где собирался отдохнуть со своей дочерью. И я просто не стал оценивать сложившуюся ситуацию.

Более того, я даже попытался найти позитивные стороны в своем положении: мне предстояло забрать дочку и отправиться с ней к озеру!

В переговорной в качестве холста можно было благополучно использовать не только многочисленные копии приговоров и пять из пятнадцати кожаных кресел, но и стол из вишни. Эмили была в восторге оттого, сколько всего интересного можно было предпринять в конторе. Увидев меня, она, сияя от счастья, бросилась ко мне.

– Папочка, я нарисовала большую картину.

– Прекрасно. Покажи-ка... Картина просто потрясная. Знаешь что? Она так хороша, что мы оставим ее здесь.

– Разве мы не можем взять ее с собой?

– Нет, мы же с тобой отправляемся в поездку.

– К озеру?

– К озеру!

Я поблагодарил Клару за то, что присмотрела за Эмили, и попросил ее передать фрау Брегенц, чтобы та прибралась в переговорной.

– Пожелаешь тетушке Брегенц хороших выходных? – спросил я Эмили, когда мы проходили мимо приемной к лифту. К моей большой радости, Эмили ответила «нет».

Когда мы спустились в гараж, я издали увидел, что Драган и Саша уже стоят у моей служебной «Ауди А8» и курят. Багажник был открыт. Мои аккуратно собранные сумки с полотенцами, кремами от загара, орешками, соками «Капри-Зонне» и тому подобными вещами уже стояли возле машины без присмотра. Справа от моей машины был припаркован фургон с мороженым.

Я стал молниеносно соображать, как незаметно провести Эмили мимо Драгана.

Взял ее на руки.

– Эмили, сейчас мы поиграем в одну игру.

– В какую?

– Ты закроешь глаза. Я произнесу заклинание. А когда скажу, ты откроешь глаза и окажешься в стране мороженого. Договорились?

– Договорились.

Эмили закрыла глаза. Я побежал к фургончику с мороженым, держа палец у губ, чтобы Драган с Сашей не заговорили со мной. Само собой разумеется, несмотря на это, Драган заговорил со мной.

– Что такое? Твоя Эвелин еще ни разу не видела живого убийцу? – прокричал он со смехом.

Я бросил на него взгляд, полный ярости, и побежал дальше к фургончику, прижав Эмили к себе и для надежности прикрыв ей глаза рукой.

– Папа, кто там?

– Да никто. Там просто двое человек стоят у своей машины и разговаривают друг с другом.

– Папа, а кто такой убийца?

– Никто, солнышко. А теперь – сюрприз...

К счастью, хотя бы Саша понял, что я замышляю. Сохраняя присутствие духа, он положил руку Драгану на плечо и спросил:

– Босс, хочешь чего-нибудь взять выпить с собой в багажник?

– На несколько километров? Брось. Пить в такой тесноте – только грязищу разводить.

Я был бесконечно благодарен Саше за то, что он отвлек Драгана.

Тем временем мы с Эмили забрались внутрь фургона.

– Тадам, открывай глазки!

– Сначала заклинание!

– Что, прости?

– Ты сказал, что сначала произнесешь заклинание, а потом будет страна мороженого.

Эмили все еще не открывала глаза.

– И то верно. Итак, абракадабра... хм... фокус-покус-три-слона – вот и сладкая чудо-страна!

Эмили застыла от удивления. Вокруг нее были все мыслимые и немыслимые сорта мороженого. Контейнеры с содержимым всех цветов радуги окружали ее, с их помощью даже нелегальные доходы от проституции превращались в безобидные с точки зрения бухгалтерии наличные. Чтобы Эмили не увидела человека, который набивал свои карманы этими деньгами, ей придется немного посидеть в фургончике.

– Эмили, можешь пробовать любое мороженое. Папа сейчас вернется, хорошо?

– О-о-о-ох... – Это означало, что Эмили согласна.

Я вылез, закрыл дверь и направился к Драгану.

Он насмешливо смотрел на меня.

– Абракадабра? Что за хрень?

– Хрень? Разве ты не говорил, что семью и работу нужно разделять? В общем, Эмили необязательно видеть, что мы тут сейчас будем делать. Или нет? – Я взял свои сумки, собранные для совместных выходных отца и дочери, и погрузил их на заднее сиденье. – План еще в силе?

– Железно. Нужно еще, чтобы ты не сделал никаких глупостей, если хочешь, чтобы твоя дочурка и дальше пребывала в чудо-стране, полной мороженого. – И, обратившись к Саше, он добавил: – Спасибо за помощь. Какое-то время ты меня не увидишь.

А потом Драган сказал фразу, которая раз и навсегда перевернула мою жизнь:

– Бьорн сделает так, чтобы я исчез, и во время моего отсутствия будет говорить тебе и остальным, как дальше вести дела. Передай офицерам.

Я не верил своим ушам. *Что* я должен буду делать?

Похоже, что Драган собирался превратить меня в безвольную марионетку своего мафиозного «Кашперле театра»¹⁰. И он будет стоять за сценой и тянуть за ниточки. До сих пор – по крайней мере, мне всегда так казалось – все было в точности наоборот. Я советовал, стоя за сценой, и никто не догадывался о том, что я делал.

Все роли были распределены относительно ясно. Организованная преступность – на то она и организованная – отличается тем, что каждый знает свое место. И бизнес Драгана не был исключением. Я создал достаточно много организационных схем для него и знал, кто на какой иерархической ступени находится. На нижней ступени находились шестерки, которые очень хотели вписаться в тему и за копейки бегали по мелким поручениям. Они пополняли наркосклады. Поджигали лавочки. Избивали людей. Они не интересовались глобальными взаимосвязями и не имели представления об организаторах. Когда их ловили, они не могли сболтнуть

¹⁰ «Кашперле театр» – немецкий фольклорный театр марионеток, в котором главного комического персонажа зовут Кашперле, он отличается грубым юмором и простецки-наивным характером и поведением.

ничего лишнего, кроме того, что кто-то дал им сотку евро, чтобы они бросили какой-то пакет в почтовый ящик или избили кого-то до полусмерти.

Затем шли солдаты, которые для обряда посвящения должны были предъявить как минимум несколько искалеченных конкурентов. Солдаты выполняли всю грязную работу, перевозили наркотики и оружие в больших объемах и на своем уровне применяли необходимые силовые меры в отношении владельцев забегаловок, а также проституток и деловых партнеров. Если их ловили, то они молчали. Как ни крути, перед ними лежала прямая дорога за решетку – а там разговорчивым перебежчикам грозила опасность. Как правило, Саша говорил им, чего Драган хочет от них.

Потом шли специалисты: эксперты по оружию, руководители лабораторий или люди вроде меня – адвокаты. При этом моя специализация заключалась в том, что я, по сути дела, знал все, что знал Драган. Все имена, все счета, все сделки. Я давал ему советы при принятии стратегических решений и заботился обо всех правовых вопросах. Но я никогда не был частью его организации. После всех этих лет последним якорем, удерживающим меня в правовом мире, оставался мой гонорар, который я получал строго за отработанные часы. Счета, которые фирма выставяла Драгану, превышали мою месячную зарплату в разы, но так я, по крайней мере, имел возможность убедить себя, что хотя бы финансово не завишу от Драгана.

На самом верху – в иерархической структуре выше их был только Драган – стояли офицеры. Это люди, которые за годы вступили в тесные финансовые и личные связи с картелем. Сотрудники с определенной долей свободы принятия решений, которые в дополнение к зарплате получали часть выручки. Это были руководители легальных фирм-прикрытий, через которые отмывались нелегальные деньги. Такие, как Тони: официально он возглавлял сеть баров и дискотек, а в действительности руководил всей отраслью торговли и распространения наркотиков. Подобным образом были организованы торговля оружием и проституция. Каждую отрасль, составлявшую фундамент деятельности концерна, возглавлял офицер, который официально руководил совершенно легальной фирмой.

В своей повседневной работе мне приходилось контактировать с ними, я готовил договоры аренды и трудовые договоры, чтобы комар носа не подточил. Я был единственным человеком в окружении Драгана, который знал все глобальные взаимосвязи. Вероятно, даже лучше самого Драгана. И в отсутствие Драгана я должен буду руководить этими самыми офицерами?

Я подумал об Эмили. Я подумал о своей жизни. Если я хотел сохранить и то и другое, нужно было делать все, что велел Драган. А если я буду делать все, что велел Драган, уже ничто не будет как прежде. Спасибо тебе, сраный ублюдок!

Драган без лишних слов исчез в багажнике. Для своего почти двухметрового роста и сотни килограммов веса он довольно элегантно проскользнул внутрь. Саша раздобыл где-то старый пуховый спальник, на котором Драган уютно устроился в багажнике, или, по крайней мере, попытался. Он свернулся в позе эмбриона и оттопырил большой палец вверх в знак того, что у него все в порядке. Драган напомнил мне большого уродца, засунутого в стеклянную банку, каких можно увидеть в кунсткамере. Вот только стеклянной банкой служил мой багажник, а уродец был живой.

Саша опустил крышку багажника.

– Спасибо, что отвлек его от моей дочери, – сказал я Саше.

– Не за что. Детей не стоит впутывать в подобные дела.

– Никого не стоит впутывать в подобные дела.

– Мы не можем выбрать свою жизнь. Мы можем ее только прожить.

Пожалуй, стоит как-нибудь обсудить это с Йошкой Брайтнером. Если мне суждено остаться в живых и увидеть его. Прежде чем я успел еще что-то сказать, Саша скрылся за фургоном с мороженым. Эмили не пришлось с ним столкнуться, а мне не пришлось ей ничего объяснять.

Я открыл дверь фургончика. Внутри стояла моя малышка и танцевала под какую-то мелодию, которую сама себе напевала. Она с ног до головы была в пятнах различных оттенков красного. Мне пришлось быстро переключиться: из ада рабочих будней в рай отцовско-дочерних отношений.

– Ну, мое солнышко, как тебе понравился сюрприз?

Я вытер Эмили рот ее же платьем. Той частью, где еще не было мороженого.

– Посмотри, это мои любимые цвета. Их я люблю больше всего на свете! – сказала она.

– А я больше всего на свете люблю тебя.

Я подхватил Эмили на руки, поцеловал ее и отнес в машину, чтобы посадить в детское кресло. Пока я шел, ноги у меня подкашивались. Что-то внутри меня сильно сопротивлялось тому, чтобы посадить ее в ту самую машину, в багажнике которой лежал психопат, угрожавший нам обоим. Но у меня не было выбора. Я заставил себя повторить мантру осознанности.

Когда я несу своего ребенка, я несу своего ребенка.

Когда я сажусь в машину, я сажусь в машину.

Сейчас я поеду со своей дочкой в дом на озере. Как и планировал. В этот момент больше ничто не имело значения. Потом видно будет.

Я посадил Эмили в детское кресло.

– Я хочу чикен макнаггетс и какао, – сказала она.

Казалось, прошла целая вечность с тех пор, как я пообещал ей это. А в действительности всего полчаса.

– Ты же только что наелась мороженого.

– Но я не ела чикен макнаггетс.

– Думаю, что «Макдоналдс» уже закрыт. Сегодня там уже ничего не заказать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.